

НАЦИЯ

РОМАН

ТЕРРОРИСТ

ЛЕВ ПУЧКОВ

Лев Пучков

Террорист

Серия «Нация», книга 3

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=440535
Террорист: Эксмо; М.; 2010
ISBN 978-5-699-45911-7

Аннотация

Молодые парни из экстремистской организации «Русский трибунал» объявили партизанскую войну «предателям России» – таким ярлыком они клеймят бизнесменов, мелких предпринимателей и даже общественных деятелей, которые, по их мнению, проштрафились перед родиной. Эта «забава» жестока и кровопролитна. В ней тонут любые общечеловеческие нормы морали. Молодые палачи не знают ни жалости, ни сострадания, они не останавливаются ни перед чем, потому как инстинкт хищной стаи гасит в них все человеческое... Но, как бы то ни было, эта жестокая книга – про наших детей, которые ищут свое место в жизни. Но ищут не так и не там. И все заканчивается или тюрьмой, или плахой... Роман предупреждает, заставляет задуматься о будущем наших детей, о будущем нашей страны.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	44
Глава 3	116
Конец ознакомительного фрагмента.	118

Лев Пучков

Террорист

Некоторые события, описанные в книге, выдуманы.

Названия ряда населенных пунктов, учреждений и организаций намеренно изменены.

Изменены также многие фамилии, встречающиеся в тексте.

Видеоролики, приведенные в книге, взяты из Интернета, где они находятся в свободном доступе.

Глава 1

– Нет-нет... Нет! Этого не может быть...

– Анна Викторовна, я прекрасно вас понимаю. Это горько. Это больно. В это трудно поверить. Казалось бы, такой добрый, такой любящий, великодушный, и вдруг...

– Да перестаньте вы изображать тут! Со стороны-то это легко... А вот вы представьте... Нет, вы представьте, к вам приходят и говорят: ваш муж – чудовище!

– Ну... Я некоторым образом мужчина, так что...

– Да неважно! Пусть будет жена, мать, отец – какая разница? Самый близкий вам человек! И как вы отреагируете? Ой, господи, да что я тут с вами... Этого просто не может быть! Наверняка это оговор... Как такое вообще... Да если бы на самом деле что-то такое, я-то об этом наверняка бы знала! Я ведь жена, в конце концов, а не девка на ночь...

Третий обрабатывает молодую хозяйку. Мы сидим на диване – Ленка, Федя и ваш покорный слуга, не вмешиваемся, дисциплинированно изображаем мебель. Диалог получается весьма непростой, а местами прямо-таки душераздирающе драматичный.

Третий – мастер задушевной беседы с дамами. Причем мастер-самоучка, подозреваю, что он даже не психолог. Я видел его в деле и могу сказать, что это специалист совсем другого профиля. Диалог он строит по вполне клишированному стандарту, я бы в такой ситуации говорил примерно то же самое, причем в некоторых местах наверняка подыскал бы более изящные выражения. Однако с ним в итоге все соглашаются, а у меня это получается даже не через раз, а значительно реже. То есть с особями мужского пола я почти всегда «разруливаю», а вот с дамами все с точностью до наоборот.

Поначалу мне было интересно, я пробовал анализировать, как это у него получается, потом постиг суть и успокоился.

Тут вся соль вовсе не в алгоритме беседы: я уже давно понял, что логические конструкции в общении с женщинами – отнюдь не главное.

Главное – личность собеседника.

Третий нравится умным дамам. Именно умным (или мыслящим, это уж на ваше усмотрение).

Мы не везде работаем по шаблону. Перед тем как наведаться в гости к очередному «объекту», команда Филина скрупулезно изучает все, что связано с его жизнедеятельностью, и на основе полученных данных выстраивает индивидуальный план визита.

В прошлый раз, например, аналогичного диалога не было вовсе. Хозяйка душераздирающе визжала и бросалась на всех, норовя вцепиться в глаза своими острыми коготками. Точнее, собственно, диалог состоялся, но весьма специфический: Филин в итоге «наступил хозяйке на голову» и привычно сообщил хозяину, что, если он не сделает то, что нам надо, мы будем «снимать порнографию»...

В общем, умные дамы от Третьего буквально млеют. Я отнюдь не разделяю этих млеяний (равно как и бляений), но посредством простейшего анализа стереотипов могу предположить, почему они так к нему относятся.

Третий похож на Колина Ферта, только хорошо откормленного и слегка подкачанного (на мой взгляд, это мелочь, но Ленка сказала, что это главное! Вот пойдешь после этого и потолкуй с ними с позиции логики...). От него веет надежностью, спокойствием, неподдельным интересом и уважением к уговариваемой особе. У него мягкий баритон и красивые бачки (бакенбарды) – представляете, какой это моветон

для матерого диверсанта?! Он добрый, вальяжный и вообще повадками более всего напоминает старозаветного русского барина, которого невесть каким волшебным ветром вынесло с обломовских страниц в наш ресурсоемкий век.

– Да, согласен, вполне резонно предположить, что мы можем быть ангажированы... – Третий в очередной раз предлагает хозяйке полюбоваться на экран ноутбука. – Но скажите мне, что делать вот с этим? Согласитесь, нельзя же ангажировать весь народ? А ведь все эти публикации основаны на реальных фактах, и вы прекрасно это знаете...

– Ну, не знаю... Вообще, это все можно подделать!

– Ну да, конечно... Скажите это родным погибших и пропавших без вести при решении вот этих «земельных вопросов»...

– Это неправда! Он не мог... Нет-нет, это неправда!

– Ну что ж, не желаете верить очевидным фактам – воля ваша. Но скажите мне, что мешает вам самой спросить, какова его роль во всей этой истории?

– И спрошу! Обязательно спрошу! Я могу с ним поговорить?

– Минуточку... – Третий звонит по телефону: – Вы там не закончили? Анна Викторовна хочет с супругом пообщаться...

Да, вот это совсем не изящно и даже топорно: супруг в кабинете по соседству, можно было бы выйти и спросить. Впрочем, хозяйке не до изысков, она вся в себе, в своем горе

и на такие мелочи не обращает внимания.

Анна Викторовна – совсем еще соплячка, ей нет и двадцати пяти. Зато есть двое детей, а теперь еще и куча проблем. Интересно, чем они думают, когда выходят замуж за «папи-ков», которые годятся им в деды и воруют эшелонами?

– Хорошо, понял... – Третий сложил телефон и обнадеживающе кивнул: – Они уже заканчивают. Через пару минут освободятся, можно будет поговорить. Вот и спросите, и сразу все встанет на свои места.

– Господи... – Хозяйку это сообщение почему-то отнюдь не обрадовало. – Как же так, а?! Ведь все нормально было! Все так хорошо шло...

– Точно, – солидарно подстроился Третий. – Ведь вы и без этого жили неплохо. Мне в таких случаях всегда непонятно: зачем? Неужели денег было мало? Ну вот зачем он это делал? Так подставить под удар семью...

– Господи... – Не в силах унять трясущиеся губы, хозяйка закрыла рот ладошкой, низко опустила голову и придушенно всхлипнула. – Если это правда... Тогда лучше сразу в петлю!!! Ы-ы-ы...

– Что вы, Анна Викторовна! О чем вы?! – Тут Третий ловко всучил хозяйке носовой платок (по-моему, он таскает с собой сразу пачку, дабы регулярно раздавать дамам в наиболее слезоточивые моменты). – Разве вы не помните, что по этому поводу сказал великий поэт?

– Не... Не... хых... Не помню... Хы-ы-ы...

– Да нет, наверняка помните!

– Да нет же, нет!

Вы помните, вы все конечно помните,
Как я стоял, приблизившись к стене,
Взволнованно ходили вы по комнате
И что-то резкое в лицо бросали мне.
Вы говорили: нам пора расстаться,
Что вас измучила моя шальная жизнь,
Что вам пора за дело приниматься,
А мой удел – катиться дальше, вниз...

Ну что, вспомнили?

– А кто это? – Хозяйка перестала всхлипывать, выпила воды и вполне сосредоточенно высморкалась в презентованный платочек.

Да уж... Подозреваю, что у них тут все библиотеки переделали под ювелирные бутики, а книги извели на растопку каминов.

– Гхм... Это Есенин. – Третий слегка сконфузился – не ожидал. – А суть в том, что...

– Ой, ну при чем здесь этот ваш Есенин?!

– Анечка, голубушка, вы молоды, вы прекрасны, у вас дети! У вас все впереди. Да, это больно, это страшно – человек, которому вы подарили молодость, оказался негодяем... Но вы-то здесь совершенно ни при чем! Подумайте о том, как выйти из этого с наименьшими потерями. Для вас сей-

час главное – дети и вы сами, здоровая красивая мама, без которой они просто не выживут...

– Да я все понимаю. – Хозяйка горестно вздохнула и неожиданно высказалась: – Я ведь про вас слышала... Видела... Я думала, вы – монстры...

– А оказалось, что мы такие же люди, как и все, да? Какая неожиданность!

Тут в комнату заглянул Пятый, груженный пакетом с электроникой (он планово изымает камеры во всех помещениях, где работала команда):

– Они закончили. Если есть желание пообщаться – милости просим...

– Я могу с ним поговорить? – Хозяйка ткнула пальчиком в стену и искательно уставилась на Третьего.

Все, готово дело. Пятнадцать минут душевной беседы, и Третий – главный союзник, надежда и опора в этом мире лжи и порока. А полчаса назад она даже и не догадывалась о его существовании. Нормально, да? Полжизни бы отдал за такой дар!

Впрочем, «полжизни бы отдал» – это сильно. Это атавизм, дурное наследие статуса законопослушного гражданина. Жить мне осталось недолго, так что вряд ли найдется идиот, которому можно было бы предложить такое сокровище.

– Анна Викторовна, что за вопрос?! Ну конечно, можете! Вы же хозяйка. Вообще, вы имеете полное право всех нас вы-

гнать одним движением, вместе с этим вашим вельможным негодяем. Эта усадьба – на вас, имущество все ваше, а лично вы перед законом чисты и невинны, аки ангел небесный...

Фу, как слащаво и прямолинейно. Я бы построил более изящную конструкцию.

– Да, я хозяйка... – бездумным эхом отозвалась хозяйка, вскакивая и решительно направляясь к двери. – Я имею...

Ленка в два движения расчехлила камеру и устремилась следом. Мы тоже не замедлили примкнуть – и вовсе не из праздного любопытства. Нам сейчас предстоит отработать свой хлеб.

* * *

В богато обставленном кабинете – четверо: хозяин, Седой, Филин и его неперенная тень – Седьмой.

– Это правда?! Скажи мне, это правда?!!!

Хозяйка атакует с порога, без разбега и преамбул: ястребом бросается к супругу, хватает его за грудки и душераздирающе орет, круто подымаясь в тональности – словно собирается взять ультразвуковой порог.

Эмм... А по-моему, давеча я польстил ей. Не находите? Или я не особенно силен в женской психологии, и у любой, даже самой рассудительной дамы, есть запас прочности, исчерпав который она превращается в неуправляемую фурию?

– Почему ты молчишь? Тебе что, нечего мне сказать?! Что

эти люди делают в нашем доме?!

– Анечка, я прошу тебя...

Хозяин, крупный, тучный мужчина в возрасте, смертельно багров и растоптан. Я не знаю, как тут на него влияли Седой и Филин (явные следы побоев отсутствуют, в кабинете порядок), но выглядит хозяин так, словно ему только что вочию явили живое воплощение Смерти.

– Это правда?! Отвечай!

Да, сейчас хозяину ультразвук не просто не рекомендует-ся, а прямо-таки противопоказан.

– Анечка, пожалуйста... Я тебя прошу...

– Не лги мне!!!

Ленка скромно снимает из угла. Наверное, потом эта сцена будет подмонтирована в качестве фона. Или как плавный переход от документов к собственно финалу.

– Да я не лгу... Просто, эмм... понимаешь...

– Не смей мне лгать! Говори как есть! Что! Эти! Люди! Делают! В нашем! Доме?!

Я скучающе осматриваюсь: меня эти душераздирающие вибрации отчего-то не трогают. Это, наверное, потому, что мы с ними – существа разных масштабов. Вы очень переживаете, если где-то в немыслимой дали грохочут и искрят колоссальные грозовые фронты? Рискну предположить, что если над вами не капает и молния не бьет в темечко, то вряд ли.

Ну вот и я тоже не переживаю. Они тратят в неделю боль-

ше, чем я могу заработать за всю свою жизнь. Если я – сам по себе, простой смертный, вне всякой связи с «Русским Проектом» – ненароком перейду им дорогу, они походя раздавят меня и уже через час забудут об этом незначительном инциденте. Так что судите сами.

Впрочем, вполне возможно, что моему равнодушию есть иное объяснение. Знаете, даже несмотря на разницу в масштабах, некоторое время назад, в аналогичной ситуации я весь буквально трепетал бы от сострадания.

А за последний год я здорово изменился. Я перенес немало мытарств и был в буквальном смысле выброшен из жизни. Так что очень может быть, что я... эмм... очерствел и стал бездушным чурбаном? Может быть, и так. Честно говоря, все эти самокопания в настоящий момент занимают меня не больше, чем, допустим, вон тот массивный стеллаж с нэцке и окимоно. Я просто осматриваюсь и жду, когда же все кончится.

– Мне нужна только правда! Скажи, это правда?!

– Что? Что именно «правда»?

– Да хотя бы про последних, про этих задушенных старушек?

– Анечка...

– Отвечай!!!

– Ну... Да, получилось так, что там погибли люди. Но ведь я об этом ничего не знал! В конце концов, не я же их душил...

– О господи!!! Значит, это правда...

– Анюта...

– Да как ты мог?! Ты, мой муж, отец моих детей... Тебя посадят, да? Уже ведь не замять, не затушить – все в Интернете...

– Анечка, солнышко...

– Я тебе не солнышко!!! Я не буду тебе передачи таскать, скотина!!! Ты понял меня?!

– Аня...

– Что! Ты! Наделал?! Что?! Ты же, тварь такая, всю жизнь мне испоганил! Чудовище!!! А-а-а-а!!!!

Ультразвук – не самое эффективное средство в таком вот формате семейного общения: наповал не разит. Очевидно, поняв это, хозяйка вцепляется в лицо своего благоверного и, вереща от ярости, пытается выцарапать ему глаза.

Точно, польстил. Не спец я по дамам, увы.

– Убью, сволочь!!!

– Я прошу вас... – Хозяин задыхается и хрипит: тренированная в фитнес-клубах супруга на диво сильна и проворна. – У-хррр... Уберите ее!

Седой кивает на дверь.

Третий принимает хозяйюшку под белы ручки, оттаскивает от благоверного и влечет к выходу.

Хозяюшка вполне себе влечется (против Третьего она ничего не имеет), но продолжает яростно шипеть и тянуть к супругу скрюченные пальцы. Рискну предположить, что все:

разлюбила.

Спустя несколько секунд Третий со своей пациенткой скрывается за дверь. Хозяин обессиленно откидывается на спинку кресла, закрывает глаза и мотает головой, словно пытаясь стряхнуть с себя губительные флюиды ненависти, щедро разбрызганные молодой сильной женщиной.

Что, голубчик, несладко тебе? Несладко, я вижу.

До недавнего времени я полагал, что «богатые тоже плачут» – это тупой слезоточивый сериал из детства.

Теперь я знаю, что это всего лишь констатация факта. А в качестве слогана к тому сериалу следовало бы добавить: *«сильные мира сего – это всего лишь слабые люди»*.

Проводив объективом хозяйку, Ленка несколько мгновений задерживается на хозяине и плавно «переезжает» на меня.

Да, теперь мой выход.

Я вынимаю из папки копии документов и аккуратно раскладываю их на безразмерном антикварном столе.

Ленка приставными шажками подходит ближе и берет меня крупным планом.

О, да. В этот момент я очень значим. Этакий народный мститель из совершенно секретного коллектора: все в шоке и недоумении, откуда вообще такое берется...

Закончив раскладывать бумажки, я подаю реплику:

– Это ваши подписи?

Хозяин пытается взять себя в руки: шарит расфокусиро-

ванным взором по столу, обнаруживает знакомый контекст, свои подписи...

– Да, мои.

– Это реальные документы? Здесь нет фальсификаций?

Хозяин затравленно косится на Седого, переводит взгляд на Филина, шумно вздыхает и подтверждает:

– Да, это копии, но... Бумаги все подлинные.

– Спасибо. У меня все.

Я отхожу в сторону.

Федя подкатывает пуфик, присаживается сбоку, по правую руку от хозяина, водружает локти на стол и кладет перед собой черную борсетку.

Ленка на пару мгновений берет его в фокус, затем задерживает «взгляд» на борсетке и начинает снимать документы – быстро, но скрупулезно, делая стоп-кадр на каждой бумажке. Это для того, чтобы те, кому интересно, могли потом поставить ролик на паузу и ознакомиться с содержанием документов.

Я стою у стеллажа с нэчке. Чтобы заполнить тягостное ожидание, рассматриваю резные фигурки и пытаюсь припомнить, что я знаю об этом виде искусства.

Знаю немного, очевидно, то же, что и все. Нэчке – брелок, крохотная статуэтка, окимоно – примерно то же самое, но без отверстия для шнура. Знаю, что подлинники некоторых мастеров стоят от нескольких десятков до нескольких сотен тысяч европейских рублей. Учитывая статус угасающей пер-

соны, есть основания полагать, что здесь собраны именно подлинники.

Ловлю себя на мысли: фигурки мне нравятся. Если бы я был нормальным человеком, с нормальной судьбой, наверное, мог бы сам стать коллекционером. Подлинники мне не по карману, но, думаю, вполне обошелся бы и хорошо сработанным «новоделом». Хотя очень может быть, что я ошибаюсь и вся прелесть этих мелких уродцев именно в их старине и потаенной энергии мудрости, накопленной за три столетия...

Я беру в руки хохочущего во весь рот толстяка с огромным животом и вместительным мешком. Почему-то этот пузан мне понравился больше всех, хотя здесь хватает гораздо более искусных поделок. Классный такой дед, весь из себя отвязный и оптимистичный. Возникает такое ощущение, что мастера в момент творения кто-то дико смешил и его состояние непроизвольно передалось этой крохотной фигурке.

– Это Хотэй.

Надо же... А по-моему, ему сейчас должно быть все по ровну. Нет?

– Кто, простите?

– Хотэй. Бог сострадания и добродушия...

Ах, да, это та самая спасительная соломинка, за которую пытается ухватиться утопляемый. Вымученно улыбается, смотрит жалобно и пронзительно – взгляд хрипящего на каталке перед операционной смертельно раненного: «Док-

тор, как там погода? Может, заказать, пусть зонтик родные принесут, а то выйду – и под дождь...»

Погода стабильно отвратительная, друг мой. Зонтик тебе не понадобится, он не спасет от раскаленной лавы и тысячеградусного inferнального смерча, ибо выйдешь ты уже в аду.

– Симпатичный толстун. Можно я возьму его себе? Вам все равно уже без надобности...

Вообще-то у нас почти что немое кино и документалистика: куча стоп-кадров и несколько дежурных реплик. Неформальное общение с объектом категорически не приветствуется. Но уж коль скоро так вышло...

Хозяин машинально кивает: он сейчас готов согласиться с чем угодно.

Спустя несколько секунд до него доходит смысл просьбы.

Его губы дрожат, лицо кривится в плаксивой гримасе. Он часто-часто мотает головой (нет, нет и еще раз нет!!!), прячет лицо в огромных пухлых ладонях и горестно, навзрыд, плачет.

Ленка снимает. Она уже закончила с бумагами, с сего момента и до упора фокусный персонаж – хозяин.

В чем разница между мальчиком и женщиной?

В цене игрушек.

Пришел злой соседский мальчишка и хочет отнять любимую игрушку. И фиг с ним, что товарищу под шестьдесят, и вообще, жизнь идет под откос и вроде бы все теперь глубоко

по тулумбасу.

Жалко, и все тут.

Седой недовольно вскидывает бровь и экономным движением зрачков показывает на стеллаж.

Да-да, конечно, я понял.

Я ставлю пузатого бога сострадания на место.

Ты мне не нужен. В моей системе координат нет места состраданию. Равно как и добродушию.

Я даже не буду стирать с тебя свои отпечатки. Это бессмысленно. Завтра вся страна будет знать, что я тут был, так что это не имеет ровно никакого значения.

Хозяин плачет.

Седой досадливо хмурится и кивает Феде. Давай живее, пора уже закругляться с этим балаганом...

Федя достает из черной борсетки табельный «ПМ», досылает патрон и выщелкивает из рукояти магазин. Затем кладет пистолет на стол перед хозяином и выдает рабочую реплику:

– Патрон в стволе.

С этого момента Седьмой снимает дублем. Нет, у Ленки уже давно не трясутся руки, но это так – на всякий случай.

Хозяин, размазывая слезы по щекам, с недоумением смотрит на пистолет. Затем переводит взгляд на Седого.

Седой в свойственной ему манере экономно кивает.

Хозяин берет пистолет.

Эта железяка ему не по руке: больно рука большая, но

сразу видно, что человек имеет опыт обращения с оружием, держит пистолет умело и, что странно, бережно, словно это нечто ценное для него.

Федя подобрался, в готовности пресечь глупость. Он не зря сел справа и близко. Да, патрон один, а нас много, но глупости порой случаются, это мы уже проходили. Филин и Седьмой тоже начеку: они бы подошли поближе, но нельзя, место в кадре только нам троим: «фокусному» хозяину и «исполнителям», мне и Феде.

Человек с большими руками на какое-то время замирает, бездумно глядя на пистолет.

Он обречен и прекрасно знает это.

Он душевно выпотрошен и пуст, и уже нет ничего, что могло бы удержать его от последнего шага: самое главное для него создание в этом мире только что нанесло завершающий удар.

Но он почему-то медлит.

Мерно тикают антикварные ходики, отсчитывая тягучие секунды.

Весело скалится со стеллажа бог сострадания и добродушия.

По Фединому виску ползет капелька пота.

Душно.

Эти люди – извращенцы. И мы тоже, потому что мы работаем с ними. Гораздо милосерднее было бы просто застрелить этого человека, предварительно зачитав приговор.

Но мы не читаем приговоры. Это не наш стиль. У нас почти немое кино, которое должно быть снято в полном соответствии с режиссерским замыслом.

– Гхм-кхм...

Седому надоедает эта бесконечная пауза: он негромко прочищает горло и тычет большим пальцем через плечо, в сторону двери.

Филин и Седьмой послушно кивают, отлепляются от стен и неслышными тенями скользят к двери.

Хозяин жестом останавливает их (не надо, ребята, я все понял!!!), быстро приставляет пистолет к виску и жмет на спусковой крючок.

Снято.

* * *

Эвакуация прошла почти без проблем.

Заходили чисто, без крови и побоев, эфэсбэшная атрибутика и неотразимая харизма Седого сработали безотказно. Вышли также тихо и пристойно, единственно, не стали расковывать охрану и прислугу, кое-кто из них показался Филину нездорово сообразительным и реактивным.

Так чинно у нас бывает не всегда. Сегодня мы вперлись среди бела дня исключительно в рамках новогодних каникул: пятое января, утро, можете себе представить, в каком состоянии пребывает поголовно вся страна. Подозреваю, что с та-

ким же успехом можно было бы проехать на натовских танках у стен Кремля – не сразу бы и поняли, что произошло, а когда поняли, не сразу бы сообразили, как на это реагировать. Ух ты, какие железяки! Знаете, такой, типично новогодний похмельно-обжорный фантом.

А вообще, по-разному случается: бывает, ворота вываливать приходится и работать под покровом темноты, очень быстро, в режиме жесткого цейтнота, грубо, некрасиво, практически без кинематографии и душераздирающих сцен. И Седой далеко не всегда осчастлиливляет нас своим вельможным присутствием, на моей памяти это всего лишь третий раз.

Короче говоря, сегодня почти все было складно и плано-во. Единственно, пришлось задержаться на выезде из коттеджного поселка: здесь сцепились санный поезд со свекольно румяными деффками, бубенцами и пьяными харями, и лимузинно-мерседесный кортеж, без бубенцов, но с точно такими же харями, да вдобавок еще и с мигалками и дико завывающими сиренами. В общем, проживающие и гостящие здесь вельможи не сумели разъехаться на достаточно широком повороте, загнали лимузин в сугроб, перевернули сани, массово перешли на личности и вообще устроили изрядную кучу-малу. Нет, понятно, что по логике нормальные гуляки должны бы в это время дрыхнуть без задних ног после напряженной ночи – эти же, судя по всему, еще и не ложились и вообще слабо понимали, какое сейчас время суток.

В массовке были двое с широкими лампасами и в папах (это ж как надо себя не любить, чтоб на такие мероприятия отправляться в форме?!). Увидев их, ехавший с нами в одной машине Седой чертыхнулся и машинально поднял воротник дубленки.

Бывшие коллеги или где? По-моему, все его коллеги обычно ходят в штатском. Впрочем, если даже и так, жест, на мой взгляд, совсем ненужный: стекла у нас вполне тонированные, да и люди с лампасами в таком состоянии, что вряд ли сейчас даже родную мать опознают.

– Вариант номер один: перестреляем м...ков и поедем дальше, – предложил подошедший от своей машины Филин. – Вариант два: просто поедем дальше и по ходу всех передадим. И поделом: на фига стране такое руководство?

– Вариант три: все вышли и быстренько помогли этим милым людям, – желчно пробурчал Седой.

– Эмм... Это я так пошутил, – запоздало пояснил Филин.

– А я нет.

– Дядь Толь, ну че вы, в самом деле...

– Вышли. Помогли. Быстро. Нам ехать надо.

В команде Филина Седой имеет статус богочеловека: любое его распоряжение выполняется беспрекословно, точно и в срок. Ну и – вышли и помогли. Быстро. Дел там было на три минуты, но без нас эти пьяные хари ковырялись бы до вечера.

Люди с лампасами нас за такие самаритянские проделки

разом полюбили и звали с собой: обещали упоить вусмерть, укормить в... Эмм... в общем, примерно туда же, и вообще сказали, что теперь у нас нет никаких проблем, потому что они все решат одним движением.

Мы вежливо, но твердо отказались. Спасибо, тронуты, но нам надо срочно в другое место, нас там ждут.

Облагодетельствованные расстроились и уехали. Да ладно, не расстраивайтесь, не стоит оно того. Если вы когда-нибудь узнаете, кто вам помогал на дороге, у вас наверняка будет инфаркт. Так что пользуйтесь случаем, гуляйте в неведении, так-то оно лучше...

Минут пятнадцать стояли в квартале от «шлюза». Ждали, когда техническое сопровождение отчитается об отсутствии (или, не дай бог – наличии) «хвостов».

Процедура стандартная, но вот именно сегодня, на мой взгляд, можно было бы без нее обойтись. Какие сейчас «хвосты», господа, о чем вы? Страна в полном составе ащки квасит, включая даже гипотетически не пьющих иноземных дворников: пока ехали, ни одного не заметил. Так что можно было бы сегодня как-то упростить процедуру, праздник все же...

Получили «чисто», поехали в «шлюз».

Раньше я, наивный, полагал, что шлюз – это такое гидротехническое сооружение на речках и морях, для перехода судов между разноуровневыми водными бассейнами.

На самом деле это «сквозняк» (проездной двор), причем

отнюдь не стационар, а каждый раз новый, «набивается» на схеме обстановки в зависимости от основного и вспомогательного маршрутов эвакуации.

В «шлюзе» Ленка сдала отснятый материал (пока ехали, перекинула на флэшку), мы пересели на свою машину, которая все это время ждала нас здесь под присмотром одного из членов команды Филина, и через второй выезд убыли домой. Куда и на чем поедут Седой, Филин и прочие, нас не интересует – это уже совсем не наши проблемы.

Ну вот, на сегодня все.

Отработали.

* * *

Живем мы на юго-западе столицы, в панельной пятиэтажке, на первом этаже в двух «двушках» на одной площадке и с общей стенкой. На площадке четыре двери, вторая справа – резиденция Ленки и Феди, вторая слева – мое логово, здесь я обитаю совместно с двуединой сущностью, имя которой Борман-Рома.

Добро пожаловать. Сейчас примем душ и пойдем обедать. Обедаем сегодня у меня, вчера Борман-Рома по графику варило борщ, так что мне накрывать. Располагайтесь, места полно: Борман-Рома отсутствует, оно сегодня добывает анализ активности по спортклубу «Интифада». Шпионит, одним словом.

Да, предвижу вопрос. Зачем мыться в полдень, зимой, не будучи с утра физкультурно нагруженным? Не знаю, как другие, а я во время таких вот душевнозатратных мероприятий обильно потею. Всякий раз после совместной акции с ночным пернатым непременно хочется как следует вымыться, да не просто так, а жесткой щеткой с едким мылом, и, разумеется, нахлобучить потом миллилитров двести. Для баланса. И ни грамма мне за свою душевную слабость не стыдно: наш железный дровосек Федя после «мероприятий» тоже первым делом бежит в ванную и может даже на этой почве слегка поконфликтовать с Ленкой, поскольку та требует, чтобы ее на правах дамы пропустили первой.

Наверное, это своего рода психологическая защита. Понятно, что ничего от этого не изменится, не исчезнет и не улучшится, но всякий раз, залезая после ТАКОГО под тугие струйки душа, мне кажется, что вода хотя бы отчасти смоеет с меня всю эту грязь. Думаю, Ленка с Федей испытывают то же самое.

Пока мы тут занимаемся бытовыми мелочами, могу коротко просветить тех, кто не в курсе, кто мы такие, как живем и чем сейчас занимаемся. Те, кто в курсе, не волнуйтесь: это будет недолго и без деталей, постараюсь уложиться в несколько страничек.

Итак, поехали.

Жили-были два друга: домашний мальчик Дима Добросердов, гуляка-пиволюб, лоботряс и заядлый блоггер, и Федя

Гусев, образцовый спортсмен, лейтенант запаса ВДВ, президент военно-спортивного клуба «Патриот» и...

Так, минуточку.

Наверное, кому-то может показаться, что сказочка с каким-то нездоровым и несказочно прозрачным намеком получается. Что значит «жили»? Что значит «были»? А сейчас что же, получается, что мы оба досрочно убыли в царство теней?

Вы знаете, как это ни странно звучит, но именно так и получается.

Помните, наверное, расхожее выражение из тупых америкозных боевиков: «ты уже труп, просто еще не знаешь об этом»?

Так вот, мы об этом знаем.

Если брать за основу общедоступную информацию, мы в той или иной степени повинны в гибели более чем полусотни человек. Нужны ли еще какие-нибудь комментарии?

Мы ходим и дышим, но мы приговорены.

Исполнение приговора – всего лишь вопрос времени.

Я не стану погружаться в детали, на тему «как мы доказались до жизни такой, и вообще, почему все так скверно получилось». Так получилось, и все – с этим уже ничего не поделаешь.

Лучше расскажу, чем мы сейчас занимаемся.

Мы принимаем активное участие в судьбе одного лоботряса, лениво готовимся к мести (получится или нет – не

знаю, но готовимся) и между делом, за кров и пищу, работаем демонами РПК.

РПК, если кто не знает, это:

- а) Роман Петрович Калашников;
- б) Русский Проект Калашникова.

Выбирайте, что больше по душе, совершенно ответственно заявляю: ни в одном из двух вариантов не ошибетесь, поскольку это одно и то же.

Очевидно, тут следует сделать некоторые пояснения: если про Романа Петровича в нашей стране знает каждый вменяемый гражданин, интересующийся политикой (проще говоря, это один из столпов империи), то некоторые специфические аспекты «Русского Проекта» известны далеко не всем.

Что такое РПК для большинства законопослушных членов общества? РПК – человек, это сельскохозяйственный магнат, который кормит полстраны. РПК – проект, это прежде всего обширная благотворительность и активная общественная деятельность. Помимо поддержки «Славянского Легиона» и ряда других молодежных движений, «Русский Проект» ведет несколько социальных программ для малообеспеченных семей, автономно содержит несколько детских домов, интернатов для «трудных» детей и специализированных школ для детей-инвалидов. Кого и по какой программе готовят в этих интернатах, это уже другой вопрос, но в целом РПК имеет репутацию одного из самых успешных и эффективных проектов последнего десятилетия и его под-

держивают многие влиятельные люди.

Специфика же состоит в том, что РПК – человек не ограничивается вышеперечисленной легитимной благодатью и регулярно решает наиболее сложные вопросы сугубо силовыми методами. Если нужно выразиться еще яснее, я выражусь: самых лютых «предателей русского народа» мы уничтожаем физически. На одной из таких акций вы только что соприкоснулись.

Почему кавычки?

Дело в том, что это – определение РПК (или Седого – что в рамках предлагаемой темы одно и то же). Это, вообще, концепция РПК, а нашего мнения никто не спрашивал.

Мы наемные демоны, не более того.

Поэтому и закавычил: мы сомневаемся в эффективности и перспективности этой концепции и полагаем, что местами она не совсем правильная. Чуть позже, когда к слову придется, я скажу, почему мы так считаем, а пока продолжим.

До недавнего времени РПК прекрасно обходился и без нас. Для вот таких неформатных шалостей у него есть прекрасный инструмент: команда головорезов под управлением умника-циника Седого. Нет, специально по данному вопросу нас никто не просвещал – тут это не принято, но у меня есть голова, и иногда я ею думаю. Как-то мы собирались в станицу, буквально на заре нашего прекрасного знакомства, и Филин уточнил: мы тут уезжаем, а у нас на послезавтра – Барсуков. А РПК небрежно отмахнулся: да подождет твой

Барсуков, никуда не денется.

И точно, никуда он не делся – спустя пару недель благополучно застрелился из выданного Родиной служебного пистолета. А поскольку личность известная, и не только по положению, но и в плане нездоровой дружбы с иностранцами, сделать выводы было совсем несложно. После этого осталось только сесть за комп и покопаться в некрологах высших чиновников, скоропостижно преставившихся в последнее время. Все в открытом доступе, извольте смотреть и анализировать. С нами шестеро, до нас пятеро – причем первые трое – втихаря, без каких-либо деклараций.

Насчет первых троих – это всего лишь мои догадки, но по формату все совпадает. Следующие двое уже были записаны на «Русский Трибунал» – в том числе и пресловутый Барсуков, хотя мы к этому не имеем никакого отношения. Почему так получилось, объясню потом, когда будем общаться с реальным «Русским Трибуналом». А то, что общаться придется – это даже к гадалке не ходи, я уже сейчас чую, что без этого не обойдется.

Возможно, кого-то может заинтересовать, в чем конкретно повинны «предатели русского народа». Знаете, всяк по-своему, если про всех рассказывать, это будет долго и нудно. Например, последний – любитель нэчке с большими руками и молодой супругой изобрел хитрую многоходовую комбинацию по переводу государственных земельных фондов в частные. Переквалифицированные таким образом земли он про-

давал иноземцам, и при выселении пострадало немало людей.

РПК с нами повезло. Нет-нет, это не мания величия, а просто объективная оценка ситуации.

Есть такое понятие: «персонификация».

Наверное, каждый знает, что это такое, но, бьюсь об заклад, редко кто задумывался, зачем люди придумали это понятие и какова его роль в конкретике мировосприятия. В нашем случае персонификация имеет особое значение, поэтому я по-быстрому изложу вам свою версию, а вы, ежели не согласны, можете бросить в меня калошей (желательно сорок второго размера и неношенной).

Не стану кормить вас определениями из словарей, а расскажу сказку. Сельскохозяйственную.

Сразу предупреждаю: сказка не моя, ее нам в порядке наидания рассказал сам РПК – подозреваю, он же ее и придумал, причем не для нас, а скорее для себя-любимого.

Представьте себе деревеньку в сотню дворов и с одним на всех колодцем на центральной площади.

Убогая деревенька, да? Удобств нет, воду таскать замучаешься, хорошо только тем, кто живет на площади, у них там все под рукой, все рядом. Ну да ничего, люди в деревеньке как-то приноровились, привыкли, живут помаленьку.

Живут они, живут, и вдруг выясняется, что некоторые из тех, что ближе к центру, писают в колодец.

Эмм... Простите, что делают?

Да-да, я не оговорился, для тех, у кого проблемы со слухом, повторяю: прудят они туда, причем регулярно!

Зачем они это делают, это уже вопрос второго порядка – может, комплексы у них какие-то, может, богами себя возомнили и думают, что у них амброзия вместо этого самого, но факт – писают.

Ну и как с этим бороться? Круглосуточный пост не выставишь, люди все занятые, с утра до вечера вкалывают за гроши, если ночью еще и спать не будут, можно быстро сдвинуть лыжи, и тогда семьи останутся без кормильцев.

Люди порешали промеж себя, скрепя сердце скинулись, оторвали от семьи кровную копейку и наняли сторожа со стороны: охраняй, голубчик, денно и ночью, не давай супостатам блудить.

Заступил сторож на вахту, и на какое-то время опять стало все нормально. Вода в колодце обрела прежний вкус, юные селянки перестали шарахаться от ночных силуэтов с оттопыренными... эмм... что там у них оттопыренное в процессе неплановых сливов в колодец? Ну, в общем, с оттопыренными. Перестали.

Однако те, которые живут поближе к центру – они, люди небедные и куражливые, недолго мучились во фрустрации, подкупили сторожа и опять принялись за свое.

Селяне осерчали и на общем сходе объявили: ежели кого поймают – тут же на месте поотрывают амброзиовыделители, невзирая на чины и заслуги перед обществом.

Центровые только посмеялись: да это все одни слова, люди все набожные и мирные, никто такими вещами заниматься не станет. А потом: вы сначала попробуйте поймать.

И продолжали прудить.

На ярмарке селяне пообщались с людьми из соседних деревень и выяснили, что похожая проблема есть почти у всех – кроме дальнего поселка Чугунные Буи. Там, типа того, совсем не прудят.

Ох ты, боже мой – и что там за чудеса такие?

А у них, дескать, завелся местный Финист-Ясен-Перец, чудо-богатырь – Гаврила Трысдешепесдутский, который как раз и осуществляет древнюю народную мечту: с корнем рвет амброзиовыделители у всех, кто прудит в общий колодец.

Безжалостно.

Без скидки на чины и заслуги.

Без анестезии.

Без вообще всего.

Приободрились селяне, прибыли домой и на сходе всех предупредили: ежели колодезные бесчинства не прекратятся, вызовем этого самого Трысдешепесдутского и он тут всем подряд покажет, где раком зимуют.

Центровые только посмеялись: да ну, очередной припадок бессильного народного гнева, какой такой Трысдешепесдутский? Это не более чем миф, наподобие Трехголового Семи... Гхм... Семи... ЭТОГО, короче. То есть все про него знают, но никто ни разу в жизни не видел, потому что в при-

роде его не существует.

И продолжали прудить.

Невозбранно.

С особым цинизмом.

Даже сторожа склонили к этому делу, скоты, – за отдельную плату.

Ну и настал великий день: лопнуло народное терпение.

Скинулись селяне, отрядили делегацию в Чугунные Буи и выпросили на уик-энд наргера (народного героя – сугубо сельское такое сокращение) Гавриила.

И явился Гавриил.

Нет, не архангел, а местный, свой – Трыдешепесдутский.

И встал в ночи у колодца общественного, многолетне оскверняемого.

И отловил-таки пару-тройку центровых.

Ну и – под громовые аплодисменты вырвал с корнем амброзиовыделители. Как и было сказано в легенде. И прибил ржавыми гвоздями над городскими воротами.

Ну и все: больше в колодец никто не прудит.

Притихли центровые, желающих рисковать нет.

Потому что теперь все знают: это не миф.

Не сказка.

Такой человек есть, и он запросто делает то, что ему приписывает народная молва.

И в соседних деревнях перестали прудить.

Потому что центровые рассказали соседним коллегам, во-

ровато озираясь и икая от ужаса: ребята, это правда!

Это не какое-то там загадочное явление природы, а простой русский парень: Гаврила Трысдешепесдутский.

И он на раз делает то, о чем наши богобоязненные селяне даже думать боятся. Так что делайте выводы...

Вот такая сказочка.

В общем, вы уже поняли: РПК вполне искренне полагает, что мы с Федей на данный момент – наилучшее олицетворение Русского Народного Правосудия, в том контексте, в котором он (РПК) его понимает.

Да, в контекстуальной части он прав: мы за последнее время так накуролесили, что никакого пиара не надо, демоны из нас вышли вполне себе впечатляющие – кровавые, страшные и весьма убедительные. Одна бойня в станице что стоит, шутка ли, положили полсотни «боевиков». И никого не волнует, что мы там только с краю поучаствовали, а все сделала команда Седого – никто ведь об этом не знает.

С «боевиками», кстати, получилось досадное недоразумение: собственно, боевиков – профессионалов ратного дела там было всего четверо (троих из них мы повесили), а остальные четыре десятка – вполне мирные граждане, вооружившиеся чем попало и собравшиеся в кучу, чтобы пленить родственников своих кровников (нас то бишь) на предмет понуждения этих самых кровников к добровольной сдаче. Так что в определенных кругах мы закрепили репутацию злобных чудовищ, полученную нами несколько ранее на од-

ной злополучной поляне.

Меня, однако, после этой станичной баталии гораздо больше озаботил и поверг в прострацию другой факт.

Понимаете... Они, эти мирные законопослушные граждане, наши с вами соотечественники, готовы собираться в отряды, вооружаться и идти нас убивать. И по фигу, что это не их высокогорная лужайка, а самое сердце России, где всю действуют законы Нашей Цивилизации. Если того требуют интересы клана, плевать они хотели на наши законы.

В общем, они к этому готовы.

А мы?

Как показала практика, мы тоже к этому готовы.

Мы не бежим в органы сообщать об угрозе. Потому что знаем, что органы нас от нее не защитят. Они, эти органы, посаженные блюсти интересы Системы, так себя дискредитировали в глазах простого обывателя, что обыватель им теперь ни грамма не верит. Поэтому мы берем то, что подвернулось под руку (булыжник, обрез, пулемет – у кого что есть), и отвечаем адекватно ситуации. А порой и неадекватно.

Ребята, я могу ошибаться... Но мне кажется, что это опасная и страшная тенденция. Полагаю, есть над чем крепко призадуматься.

Впрочем, у нас сейчас не политинформация, так что вернемся к делам нашим насущным.

Итак, мы работаем демонами РПК, и ему (человеку, а не

проекту) с нами повезло.

А вот нам с ним – не очень.

Нам не нравится то, что мы делаем. Мы, такие все из себя вроде бы опытные и битые жизнью, на самом деле, как это ни стыдно признать, ведем себя как последние овцы. Раньше нами рулила Ленка, умело используя свое положение и наше чувство вины.

Теперь рулит РПК.

И – да, нас опять никто не спрашивает, нравится нам это или нет.

Почему нам не нравится то, что мы делаем? Нет, мы не против, собственно, борьбы как таковой. Бороться надо, это понятно любому вменяемому члену общества, понимающему, что страна наша медленно, но уверенно гибнет.

Но бороться не так, как это делает РПК. Методика его эффективна, страшна и наглядна – но отнюдь не эффективна. Это то же самое, что биться с гидрой, отрубая ей головы. На месте каждой отрубленной головы тотчас же вырастает новая. Помните – «Имя мне – легион?». Вот-вот, это про них. Можно до скончания веку развлекаться подобным образом, толку от этого не будет никакого. Система монолитна и неуязвима, на место каждого свежеубиенного чиновника тотчас же приходит новый чиновник. И он тотчас же вписывается в борьбу за интересы поставившего его клана, ищет новые лазейки и пытается «поднять деньги» на ровном месте, а учитывая ошибки своего предшественника и его печальную судь-

бу, старается действовать более изощренно и хитро.

Безусловно, РПК – патриот, человек равнодушный, смелый и неординарный, коль скоро решился на свой индивидуальный крестовый поход... Но, на наш взгляд, он только тешит свое самолюбие и обманывает себя некой иллюзией конструктивной деятельности. На самом деле результат его телодвижений примерно такой же, как и гонения таджикских дворников нашими бритыми люмпенами. То есть даже не нулевой, а где-то со знаком минус.

Почему, в таком случае, мы работаем на РПК? Зачем мы участвуем в этом неприятном и нерезультативном проекте?

Помнится, я уже отвечал на аналогичный вопрос, когда речь шла о Ленке и ее манипуляторских изысках.

С Ленкой все обстояло проще: это был наш осознанный и вполне добровольный выбор, сделанный на основе жгучего чувства вины.

Сейчас у нас выбора нет. Получилось так, что нам никуда не деться от РПК. Мы прикованы к нему, как те несчастные рабы на галерах. Остается только покорно сидеть и ритмично наваливаться на весла под аккомпанемент бича надсмотрщика.

РПК нас содержит. Все, что у нас есть, принадлежит ему. Мы регулярно получаем от него деньги – причем неплохие деньги, живем в его квартирах, ездим на его машине «Nissan X-Trail», удобная такая тачка, уже привыкли как к родной.

В общем, все, что мы имеем, нам дает РПК.

Но мы у него на коротком поводке отнюдь не из-за этого. Практика показала, что мы вполне можем прокормить себя сами.

Главное вот что: РПК – гарант безопасности наших родных, которые сейчас на осадном положении. Он пообещал, что позаботится о них, и пока что держит слово. Вот это точно – главное, потому что сами мы обеспечить их безопасность не в состоянии. Более того, тут получается вполне парадоксальная ситуация: если нас убьют, наши родные будут в большей безопасности, чем сейчас, когда мы живы и наши кровники имеют на нас виды.

Помимо того что РПК принял активное участие в работе СКП по факту инцидента в предместье совхоза им. Абубекра – с целью предотвратить давление на наших родственников, – он учредил в нашей станице ЧОП «Добросердечные Гуси». ЧОП занят исключительно тем, что денно и ночью охраняет наших родных. И, надо сказать, что этот ЧОП там не просто штаны протирает и семки лужгает на завалинке, а предотвратил две попытки захвата наших родных. Не знаю, насколько это достоверно, но заподозрить РПК в том, что он инсценировал эти попытки для обретения в наших глазах какой-то дополнительной харизмы, – это, на мой взгляд, полный бред. Это просто не его уровень – не та фигура. Так что угроза нашим родственникам реально существует, и пока что РПК успешно ее отражает. Кроме того, он содержит Ромину бабушку и устроил Ленкиным предкам нечто вроде

пресловутой американской защиты свидетелей: теперь они живут и трудятся в глубинке, под чужой фамилией и, понятное дело, в «Одноклассники» не заходят.

Вот поэтому мы и работаем на РПК. И пока он заботится о наших родных, мы будем выполнять все его прихоти, даже если он перестанет платить нам деньги.

Ну что, наверное, достаточно про то, кто мы такие и чем занимаемся. Теперь пара слов о том, как мы живем.

Живем, как все, паркуемся во дворе, дважды нашу тачку пытались угнать, выходили разбираться. Соседи по площадке, те, что первые слева, – вполне приличные люди, какие-то научные сотрудники. А первый справа – злостный алкаш, и к нему регулярно таскается компания таких же предателей Родины. Как водится в таких случаях, периодически бывают скандалы. Когда нас Седой сюда определил, мы недоумевали: чем, интересно, он руководствовался? Это же просто верх конспиративной инновации – поселить нас в таком месте! Постоянные разборки, ругань, участковый сюда ходит, как на работу, наряды милиции через день вызывают.

Однако с течением времени стало понятно, что мы здесь как бы на заднем плане, а злостный алкаш со товарищи – в фокусе, все внимание приковано к ним. Участковый и местные милиционеры с нами здороваются, приветливо и сочувственно. А разок чекисты совместно с УВД проводили какие-то плановые мероприятия со строгой поквартирной проверкой (после очередного взрыва), так наш подъезд вообще

обошли стороной: типа, здесь можно не проверять, и так регулярно захаживаем.

У нас общая дверь в стене между квартирами, и в каждой кухне, под линолеумом, есть люк в подвал (там кладовки), причем выходы оборудованы на разные стороны дома. Возможно, кому-то это покажется паранойей и шпиономанией, но только не нам. Было дело, аналогичное ухищрение, только несколько в иных условиях, спасло всем нам жизнь. И вообще, мы давненько расстались с легкомыслием и усмешками по отношению ко всему, что касается конспирации. Потому что сдача (поимка, задержание, пленение – выбирайте, что вам больше по душе, для нас это одно и то же) в нашем случае эквивалентна неизбежной смерти. Не кровники убьют, так свои рассчитают.

Да, насчет «свои рассчитают» – это не шутка и не метафора.

Это объективная реальность.

В самом начале нашей совместной деятельности мы, движимые жгучим чувством благодарности к РПК, который взвалил на свои плечи заботу о наших родных, пристали к Седому на предмет обеспечения страховки в случае нашего провала. Мотивация: мы теперь знаем, что во главе всего этого безобразия стоит РПК. Мы также знаем, что принудить человека к сдаче даже самой жизненно важной информации – раз плюнуть. И мы просим: выдайте нам это... Ну, капсулы с ядом, что ли. Чтобы, если вдруг обнаружим тридцать

восемь утюгов на подоконнике, быстренько сглотнуть и организованно сдвинуть лыжи. Сплести ласты. Отойти в мир иной. В общем, одним словом: оставить врага без жизненно важной информации.

Седой над нами вволю посмеялся и сказал, что надо поменьше смотреть кино. Особенно про шпионов.

Тогда я предложил более актуальный вариант: пусть нам сделают репетиры с пластиком. Знаете, наверное, что это за штуки такие: пока недремлющий «Брегздец» не прозвонит ему... эмм... Или как там эта фирма называется? В общем, если что, поднес к уху – типа, послушать, идут ли часики, нажал кнопочку, и – до свидания, супостаты, увидимся в аду.

Над этим предложением Седой даже смеяться не стал. Он сказал, что идея насчет самоликвидации – вполне продуктивная, но не для нас. Это удел профессионалов высокого класса, мастерски владеющих собой в любой ситуации и умеющих с филигранной точностью оценивать степень опасности. А мы можем взорваться (отравиться) буквально на ровном месте, в случае «ложной тревоги», неадекватной оценки обстановки и так далее.

Попытки убедить Седого, что мы вполне зрелые и опытные особи, успехом не увенчались. Седой небрежно отмахнулся от наших доводов и успокоил: да вы не переживайте, мы все устроим. Если вы попадетесь, мы обязательно попробуем вас вытащить. В случае, если мы поймем, что ваше спасение невозможно и вы не на шутку влипли, мы вас

очень быстро и безболезненно уьем. Да-да, быстро и безболезненно. Наша пенитенциарная система вполне это позволяет. Вам же все равно хана, если попадетесь, кровники будут убивать вас долго и страшно и при этом выдают кучу ненужной информации. Ну так вот, можете быть спокойны, в случае поимки умрете вы очень быстро. Так что примите добрый совет: постарайтесь не попасться.

Что ж, спасибо на добром слове. Мы постараемся...

Ну вот, в общих чертах вроде бы отчитался по всем пунктам. В принципе, могу много еще о чем рассказать, но на сегодня хватит: не стану утомлять вас деталями, если к слову придется, по ходу повествования потом поясню, почему нонче от замороженное креведко и как без проблем выплавлять тротил на водяной бане.

Глава 2

Обедали вполне в баптистском стиле: миллиграммы злой тролль Федя зажал.

– Не понял? По какому поводу сухой закон?

– У нас Гена на после обеда.

Ах, да, совсем забыл. У нас сегодня встреча с Геной. Значит, заслуженный релакс откладывается. Нет, мы не являемся рабами правил, которые сами же и создаем. Мы просто стараемся им следовать. До точки встречи надо еще добраться, в дороге может произойти что угодно, и неизвестно, удачно ли прибудет сам Гена. Так что лучше быть трезвыми – на всякий случай.

– Надеюсь, это будет не так, как в прошлый раз? – нахмурилась Ленка.

– Нет-нет, что ты... – торопливо заверил Федя. – Все будет в пределах нормы, что ж мы, не понимаем, что ли...

А я подавил ухмылку и ничего не сказал. Очень может быть, что все произойдет именно так, как в прошлый раз. Если Гена склонит нас прокатиться с ним «домой» и будет это ближе к вечеру, тогда, возможно, мы не просто расслабимся, а этак крепенько нагрузимся. С Геной это – бегом. Такой человек, что поделать.

Пообедали, часок подремали, дождались юнг и убыли на встречу – без Ленки, на такси.

Ленка нам там не нужна. Кроме того, если она после акций не принимает транквилизаторы, то регулярно хандрит, а в таком состоянии общение с ней – испытание не для слабых духом. Так что сами справимся, мы уже вполне взрослые.

* * *

До площади Мирсалаева (там у нас назначено место встречи) планировали добраться за двадцать минут, но не уложились. Магистралы были забиты транспортом, одну особо злостную «пробку» пришлось объезжать буквально по партизанским тропам, через дворы и какое-то неработающее предприятие с распахнутыми настежь воротами.

Интересно: если вся страна поголовно квасит, это кто, в таком случае, тут ездит и забивает магистралы, устраивая «пробки»? Прямо-таки какая-то социально-демографическая загадка, по-другому и не скажешь. Еще повезло с таксистом: солидный черноглазый кудряш слегка за пятьдесят ориентировался в здешних задворках, как в родной квартире. Думаю, если бы мы выехали на своей машине, к месту встречи не добрались бы и до вечера.

На панели красовалась небольшая иконка.

Федя, не избалованный регулярным общением с московскими таксистами (мы как-то все больше сами, своим ходом), некоторое время морщил лоб, украдкой переводя взгляд на горбоносый профиль.

– Армянин, – верно истолковал эти умозрительные экзерциции водила. – Местный.

– Да нам как-то без разницы, – смутился Федя. – Мир – дружба – интернешнл. Все люди – братья.

– Ну не скажи, разница есть, – обидчиво нахмурился водила. – Сядешь ты к пришлому, который права за барана купил, ездить не умеет, город не знает, и вообще, колеса у него отваливаются на ходу – вот тогда и почувствуешь разницу. Вот тогда заночуешь с ним в пробке, или завезет к черту на кулички, или обнесет до исподнего. Они ж в последнее время буквально весь извоз захватили, ну просто житья нету! И самое обидное: большинство людей судят не по сноровке и повадкам, а по харе. А на харю мы многие схожи. Поэтому частенько приходится читать лекцию, что почем и с кем не надо ездить...

Чтобы не маячить на площади, мы зашли за угол, миновали длинный ряд торговых палаток и шпионски притаились у ларька с шаурмой. То есть стояли за этим ларьком и периодически высовывались, дабы обследовать дальние подступы на предмет идентификации приближающегося транспорта: конкретное место встречи не уточняли, так что Гена запросто мог проехать мимо и не заметить нас.

Довольно скоро наши телодвижения засек шаурмяс (шаурдог, шауркэт, или, не дай Бог, шаурмен – выбирайте сами, чем там вас кормит, я это не ем, не знаю, из чего оно, а точного определения в словаре не нашел).

Шаурмяс был молод и отнюдь не грозен. То ли новогодняя нега способствовала тотальной приветливости, то ли всеподавляющее Федино присутствие, но, понаблюдав за нами пару минут из-за приоткрытой дверцы, шаурмяс поинтересовался:

– Рибят, каму хочиш?

– Друга ждем, – вежливо пояснил я. – Сейчас подъедет.

– А какой друк? – встревожился шаурмяс. – Милисия, обеп, санипидем?

– Да нет, просто друг. Не волнуйся, тебя это не касается. Просто договорились встретиться на этом месте, вот и ждем.

– Ладно, хорошо. – Шаурмяс изобразил приглашающий жест: – Шаверма кущат бум? Оч-чинь бкусна!

– Нет, спасибо.

– Да ты попробуй! Сабсэм недорого...

В этот момент из нагрудного кармана куртки шаурмяса мелодично заорал муэдзин. Знаете, как в кино про разных синдбадов бывает – сидит такой товарищ на минарете и призывает правоверных прекращать курить гашиш и гулять к ближайшей мечети? Вот примерно так и заорал.

Мы с Федей удивленно переглянулись.

– Азан! – подмигнул нам шаурмяс, вынимая мобильник и отключая сигнал. – Намас нада!

С этими словами шаурмяс нырнул под прилавок, схватил коврик, выскочил из ларька и, захлопнув за собой дверь, трусцой припустил к соседнему дому.

Я машинально глянул на часы: было начало пятого, или, если по-военному, шестнадцать ноль семь.

Из многих ларьков, как по команде, тотчас же побежали люди с ковриками – и все в одно место, в подъезд того самого дома, куда завернул наш шустрый шаурмяс.

– У них там что, мечеть? – удивился Федя.

– По виду не скажешь, обычный жилой дом. – Я пожал плечами. – Скорее всего – молельня.

– В смысле?

– Ну... В квартире у кого-то оборудовали все и молятся.

– Понятно, – Федя легкомысленно зевнул. – Значит, скоро где-то рядышком мечеть построят. Их, муслимов, тут полно...

Постояли, помолчали. Федино предположение не кануло в суе, а непрошено подвигло меня на приступ меланхолической лирики:

Скажи-ка, русский, ведь недаром,
Москва, спаленная пожаром,
Муслиму отдана?
Наверно, это искупленье,
За век Советского правленья:
Азану внемлет с вождельем
Когда-то Русская Страна.

– Ух ты! – удивился Федя. – А дальше?

– Куда, на хрен, дальше? Все, страна уже внемлет, ну куда

еще дальше?

– Да не, я про стих. Так вроде как концовки не хватает. Как будто на полуслове оборвал.

– Ну, не знаю... А вот:

Муслим, есть повод веселиться!

Повсюду правоверных лица:

Намаз читает с упоением

Когда-то Русская Столица...

– Это, типа, мы ее теряем? – Федя обвел вокруг себя рукой – очевидно, имея в виду Москву или как минимум площадь Мирсалаева.

– Это, типа, мы ее уже потеряли, – буркнул я.

– Хе-хе...

Бездушный солдафон. Есть вещи, над которыми нельзя глумиться. Не оценил, мужлан, мой лирический порыв.

– Это смешно?

– Да не бери в голову. – Федя примирительно хлопнул меня по плечу. – Мы можем как-то помешать этому?

– В принципе – да, но... Да нет, не можем.

– Ну вот и не парься.

Ну что ж, тоже верно...

Стояли, ждали Гену, хмурились-нервничали и плохо думали. Про Гену, про обстановку в стране, про жизнь, короче, про все – плохо.

Гена опаздывал. Это необычно. Обычно он пунктуален. Поэтому и нервничали, и хмурились. Есть на то причины.

Гена явился в половине пятого, внезапно, пеше и тоже вполне шпионски: возник из-за ларька и хлопнул меня по плечу:

– Здорово, преступники!

Я от неожиданности чуть не сел наземь, а Федя рефлексивно рванул молнию на куртке.

– Дурак, и шутки такие же. – Федя застегнул молнию и тревожно обозрел окрестности. – Проблемы? Почему пешком? Почему опаздываем?

– Да тут, понимаешь, пристали два долбарика и никак стряхиваться не хотят. – Гена кивнул за угол и возмущенно сверкнул очами. – Вот эта смена, она меня уже достала! Остальные – люди как люди, сами живут и другим дают. А эти прямо-таки фанаты какие-то, комсомольцы-стахановцы, маму их везде...

Нормально. Обычно Гена хитро страшется, осторожничает и всех подряд обманывает. А сейчас прикатил с соглядатаями? Вот это новости.

– Ген, ты че, «хвост» приволок?

– Да я же говорю: не могу никак стряхнуть!

– Ну ты даешь, брат...

– Да ладно причитать. – Федя деловито подобрался. –

Предложения?

– Белая «Мазда», А 748 РК. – Гена опять кивнул за угол. –

Стоит в двадцати метрах от перекрестка, рядом с кофейней.

Там двое. Огнестрела нет, у одного, что за рулем, травматик

на поясе. Накажите их по-быстрому, да поедем.

– «Накажите», в смысле, пристрелить, как бешеных собак? – уточнил я.

– Вот у кого дурацкие шутки, так это у вас, – не одобрил

Гена. – Просто проколите шины, нежно помните лица и ска-

жите, что это всего лишь работа: не надо относиться к ней

с таким фанатизмом.

– Не вопрос, – кивнул Федя. – Куда потом?

– Потом – через улицу, от кофейни влево, метров через

пятьдесят и во двор: там моя тачка. – Гена развернулся и

торопливо пошел вдоль ларьков, бросив на ходу через плечо:

– Особо не спешите, мне тут неслабого крюка выписывать...

Для тех, кто Гену знает, спешу сообщить новость: он уже

не опер. Изгнан из органов за преступную связь с нами, дета-

ли освещать не буду, дело это грустное и неприятное. Впро-

чем, бездельником Гена никогда не был, он записной трудо-

голик, посему дома сидел недолго, быстренько нашел себе

работу и вот уже третий месяц работает адвокатом.

Для тех, кто Гену не знает, спешу сообщить: это был опер от Бога. Ну, то есть там на него все буквально молились, хотя он изрядно злоупотреблял и в рабочее время регулярно источал ненормативную отдушку, а местами прямо-таки выхлопы. Если так терпели, значит, оно того стоило, верно? Грусть же в том, что уволили его волевым решением с самых верхов, мимо непосредственного и даже прямого начальства.

На сей момент обстановка у нас такова: Гена защищает Леху – нашего друга и брата, а самого Гену, по просьбе наших недругов, «ведет» частное сыскное агентство «Рене, Гатский и Ж...». Следят за ним по двум причинам, отчасти из-за того, что надеются через него выйти на нас, отчасти из-за того, что он защищает Леху, на которого теперь очень многие «сырьозные каффказские мушщины» имеют большие виды. Гена, как и подобает приличному оперу (говорят, что бывших оперов не бывает), знает про своих «кураторов» буквально все: марки машин, фамилии-лица-места проживания людей, график смен, вооружение-оснащение-экипировку и так далее.

«Гоп-стоп, мы подошли из-за угла...»

Помните, дядя Саша под настроение спивал такого песняка?

Мы тоже подошли из-за угла, но совершенно бескорыстно, безо всякого гопа.

Федя встал у водительской двери, я достал нож с лодыжки и с превеликим удовольствием стал протыкать колеса.

На виду у всех.

Мы бывалые хлопцы, на собственном опыте знаем, в таких случаях почтенная публика обычно на некоторое время впадает в ступор, независимо от крутости и степени подготовленности. Иными словами, люди плохо соображают, не сразу понимают, что происходит, и им нужно некоторое время, чтобы определиться, как реагировать.

Клиенты вылезли сами, спустя несколько секунд: бить стекла не пришлось.

– Э, вы че, уху ели?! – грозно рявкнул водила, шумно выпрастываясь из салона.

Борщ, дорогой мой френд. Мы ели борщ.

– Бац!

Федя – грубый мужлан, кулак – нос – кровавые брызги на грязном снегу, «Оса», мобила – на капот, водила – попой наземь.

Недоумение в черных глазах на крыльце кофейни: странно...

Обычно мы тут буйствуем промеж себя, а русские смотрят, аки сторонние наблюдатели. Это что теперь, какие-то реформы будут?

Да нет, ребята, расслабьтесь, это штучная работа, разовый тематический флэш-моб, сейчас закончим, и все у вас тут будет как обычно.

Второй с опаской посмотрел на нож в моих руках и застыл в проеме, держась за ручку двери, засомневался: ну и что

теперь, вылезать или юркнуть обратно?

Федя разрешил его сомнения: шустро обогнул машину, оттеснив меня плечом, выдернул второго, ленивым носорогом шибанул его башкой в переносицу, усадил наземь и тоже отнял телефон.

– Салон!

Я бегло осмотрел салон, изъясил чемоданчик со шпионскими причиндалами и передал Феде.

Федя вывалил содержимое чемоданчика наземь (узконаправленный микрофон, записывающие устройства, бинокль, что-то вроде навигатора и еще несколько совсем непонятных для меня вещичек) и сплясал на них гопака, совсем неизящно, но вполне варварски.

– А теперь спич! – распинав останки шпионского оборудования, скомандовал Федя.

– Ребята, это всего лишь работа, – резюмировал я. – Не нужно относиться к ней с таким фанатизмом. Будьте добрее, и люди это оценят. Всего доброго.

– И все? – Федя недовольно скривился.

– Эмм... А, ну да: с праздником, удачи, успехов в труде.

– Каких, на хрен, успехов! – возмутился Федя. – С каким, наф-наф, праздником?! Работайте спокойно, как все остальные. Будете наглеть – убьем. Вопросы?

Вопросов не было. И мы пошли, как и было сказано: через улицу, налево от кофейни. Но по дороге распоясавшийся Федя рывкнул на кучку иноземцев, торгующих лицом на

крыльце кофейни:

– Э, гамадрилы уевы! Че вылупились? Ну-ка, бегом: захлопнули вафельницы и с...лись отсюда!

И знаете: в самом деле, захлопнули и... эмм... в общем, зашли в кофейню. Такие воспитанные люди, мне даже неудобно стало.

– Это что за детские выходки?

– А что? Это как-то повлияет на наше положение?

– Ну, в общем...

– А я думаю, что если мы даже всех тут перестреляем в два смычка – никак не повлияет.

– Ну, в общем...

– Так что радуйся, что я просто их послал, а не достал ствол.

– Ну, спасибо, благодетель.

– Хе-хе... Да шутка же, ты чего такой серьезный?

– У нас есть дело, – непримиримо отчеканил я. – У нас есть цель. А ты ведешь себя, как малолетний баклан.

– Да ладно тебе, – небрежно отмахнулся Федя. – Я меру знаю. Когда надо, сам всех подряд поправлю и не дам бузить. А ты что-то сегодня не в духах. Надо было, наверное, дать тебе вмазать после акции.

Да, наверное. А «не в духах» я не только сегодня, а вообще последние полгода. Как-то не наблюдаю особых поводов для веселья: куда ни глянь, повсюду тупики и беспросветная пустошь...

Под арку зашли чинно и гордо, аки былинные богатыри, а уже во дворе пробежались на полусогнутых: Гена припарковал свою «Тойоту» довольно далеко, поскольку у въезда не было свободных мест.

Сели в салон, выдохнули.

Нормально. Я даже не запыхался.

– Наказали?

– Да.

– А шины?

– Да. В смысле, прокололи.

– Проблемы были?

– У нас – нет.

– У них – да, – добавил Федя. – Мы едем или как?

– Да, поехали...

Я думал, это «сквозняк», но двор оказался «глухой». Что-то Гена сегодня совсем не в голосе, все делает вразрез с основами оперативного искусства. Хотя по логике все правильно: если бы где-то поблизости был подходящий «сквозняк», Гена наверняка не стал бы обращаться к нам за помощью и стряхнул бы «хвост» самостоятельно.

Вырулили со двора и поехали, но не как предполагалось – воровато – налево, к окраине, а направо, мимо наказанных соглядатаев, нагло и к центру.

– Гена, мы в центр едем?

– Ага.

– А чего мы там забыли?

– Крюка даем.

– На фига?

– Так надо.

– Ну, смотри. Ты умный, тебе виднее.

– Ага...

Гена сегодня мрачен и не по-хорошему задумчив. Наверное, образовались какие-то проблемы по нашему вопросу, или что-то неладно в личном плане, но вполне возможно, что это всего лишь следствие изменения питьевого режима.

Уйдя в адвокаты, Гена стал меньше злоупотреблять и упорядочил график приема миллилитров. У него даже появились неведомые ему ранее понятия «рабочего дня» и «рабочей недели». То есть в будни, до восемнадцати ноль-ноль, – ни грамма в рот, а только вечером и понемногу. В выходные – да, отрывается не по-детски, но в воскресенье, во второй половине дня, устраивает себе терапию: парится в бане, обильно пьет зеленый чай (и страшно ругается матом, если кто-то его побеспокоит в это время), дабы в понедельник явиться в контору уже без каких-либо ненормативных отдушек.

Добрались до ближайшей развязки, развернулись, минут пять постояли, проверяясь, и покатали к Кольцевой.

– А теперь куда?

– Домой.

– То есть у нас все нормально?

– Да. Я там легенду оборудовал: в нашей конторе сегодня корпоратив, я приведу двоих друзей. В общем, нас будут пасти у кабака «Недоразумение».

– Ладно, ты домой, а мы-то куда? Может, встанем где-нибудь, обговорим все да отпустим тебя? Поезжай, отдыхай уже, а то ты что-то устало выглядишь.

– Без вас не получится, – убежденно заявил Гена. – Вы же не хотите мне сорвать генеральное застолье месяца?

– Это ваш корпоратив – генеральное застолье?

– Да при чем здесь корпоратив? – Гена пренебрежительно скривился. – В этой конторе вообще не умеют отдыхать, я после некоторого опыта зарекся с ними за стол садиться. И потом, я же сказал, что это всего лишь легенда.

– А где это будет? – заинтересовался Федя.

– В надежном месте, – заверил Гена. – Безопасность гарантирую. Доставку тел по окончании застолья организую.

– Слушай, а почему наше отсутствие испортит тебе застолье? – недоверчиво уточнил я.

– Да уж... – Гена сокрушенно покачал головой. – Вижу, рабочее состояние паранойи накладывает неизгладимый отпечаток даже на отношения с самыми давними и проверенными френдами. Верно?

– Если эти френды строят загадочный вид и бросаются туманными намеками, вместо того чтобы сразу все объяснить

по-человечески, – возможно.

– Да просто сюрприз хотел сделать! – с горечью воскликнул Гена. – Типа, привезти, глаза завязать: опаньки – любуйтесь! Забыл, что с параноиками связался.

– Короче, выкладывай, – поторопил заинтригованный Федя. – Что там у вас такое?

– Паша Седов сегодня проставляется, – сдался Гена. – Выходит в бизнес, большим человеком становится, шеф вписал его в какой-то серьезный проект. Еще «латыши» будут. Ну и, просили вас привезти. Больше никого не будет. Местечко не назову – пусть хоть чуть-чуть от сюрприза останется, но гарантирую: там все здорово, посидим как следует, в своей компании, пообщаемся, к тому же накормят и напоят по-царски.

Мы с Федей переглянулись. Ну что ж, уже интересно. Если не считать недавний алкоголизм с Геной (почти без закуски и едва ли не стоя), «как следует в своей компании» мы не сидели, наверное, со времен Минойской цивилизации. То есть очень давно. И мы, конечно, в вечной командировке, на военном положении, у нас режим и все прочее, но...

– Да что ж мы, не люди, что ли?

– Люди! – с воодушевлением поддержал Федя. – Все, уболтал, языкастый. Поехали.

– Ну, слава богу. – Гена вздохнул с заметным облегчением и слегка приободрился. – А то уже думал, что вы мне вообще всю жизнь хотите испортить.

– Нет, не хотим. Мы не такие...

По дороге обсудили Лехины скорбные дела. Ближайшие и дальнейшие перспективы, состояние тела и духа, протоколы и рынок цен на ритуальные услуги.

Нет, вот это последнее – вовсе не тупая шутка, а без пяти минут состоявшая действительность.

Если кто подзабыл, я напому: Леха – это такой ботаник-затейник, древний сетевой обитатель и страстный любитель шпионских игр, в недавнем прошлом он сотрудничал с нами и по совместительству возглавлял РСС (Русское Сетевое Сопротивление).

В настоящий момент Леха – политзаключенный. «Приняли» его за организацию штурма общежития ГПТУ им. Розенбаума, в котором мы увековечили свою демонскую ипостась, сломав разом шестьдесят костей и уложив навсегда одного внепланового джигита-автоматчика. Про джигита сказать ничего не могу – как-то это меня особо не коснулось, но вот кости... В общем, этот страшный хруст, образно выражаясь, до сих пор стоит в моих ушах, так что можете себе представить, что это было за злодеяние такое.

Понятно, что все эти бесчинства организовал и исполнил отнюдь не Леха, но, будучи пойман в единственном числе, он теперь ответит за всех разом. Ему по совокупности светит что-то около двадцати лет: ушлые адвокаты пострадавших, совместно с благостным прокурором и не менее подверженным кавказскому обаянию судьей, натягивают нашему брату

по оружию такой затейливый букет статей, что любой матерый террорист «позавидует».

Однако сидеть Лехе вряд ли придется, потому что его хотят убить. Причем не единожды: бах – и забирайте, заводите следующего, – а вот так: бах – воскрешаем, еще бах – опять воскрешаем, – в очередь, господу абреки, в очередь! Короче, убить Леху мечтает каждый из потерпевших и все их родственники, вместе взятые.

Вот такая дикая популярность среди джигитского сословия.

Вот такая беда.

В свое время Седой сказал: *«Вы должны всегда помнить: это ведь только вам самим уже все глубоко до лампочки – вы, по факту, в любом случае трупы, это лишь вопрос времени. Но все, кто с вами пересекается или даже просто соприкасается, – все они в опасности».*

Прав он был. Все, кто с нами имеет дело, рано или поздно попадает в крупные неприятности. Такое ощущение, что мы прокляты...

Впрочем, думаю, не стоит приводить Генин доклад в первоисточнике. А если не вдаваться в подробности, можно резюмировать: жить Лехе осталось недолго. Даже сейчас, будучи в СИЗО, у которого круглосуточно торчат наши пикеты и наблюдатели от правозащитных организаций (толку от этого мало, но все равно торчат), и, несмотря на пристальное внимание СМИ, Леха испытывает страшный «пресс», чув-

ствуует себя очень плохо, он испуган, сломлен, забит – причем отнюдь не в иносказательном плане – и походя соглашается со всем, что на него «вешают». Нет, Гена там просто так штаны не протирает, как адвокат, он старается изо всех сил, но в данном случае это все равно, что пытаться вырвать из-под летящего на всех парах паровоза намертво прикованного к рельсам смертника. А после старого Нового года Леху быстренько осудят, отправят на зону, и вот уже оттуда он безнадежно исчезнет. Это, как говорит Гена, вопрос почти что решенный.

В общем, вы уже поняли: никаких новых проблем по нашему вопросу не образовалось, но оставались старые. Гена пока что не видит способов их разрешения, и это повергает его в состояние меланхолии.

– Короче, все скверно, – резюмировал Гена. – Еще пару вариантов прозондирую на днях, но... Уже сейчас вижу, что есть только один способ спасения вашего «Че Гевары».

– Какой?

– Да так... Знаете, такой несуразный план, что дальше просто некуда.

– А конкретнее?

– Да пока не стоит... – уклонился от объяснений Гена. – Я эти варианты отработаю, все окончательно пробую – потом уже поделюсь. А пока не парьтесь, я все держу под контролем...

Пока добирались, стемнело. «Домой» заехали уже в свете

первых фонарей и разбросанных по всему городу новогодних гирлянд, которые радостно салютовали нашему прибытию.

Дом, милый дом...

Нет, я знаю, что это не наше, заимствованное, но ничего другого, более емко отражающего наше состояние при каждом возвращении в родной город, подобрать не могу.

Казалось бы – что этот город для нас? Я как-то уже рассуждал на эту тему, однако повторяю: у нас здесь ничего нет. Квартиры проданы, родные давно уехали, кататься сюда небезопасно – это наиболее вероятный район наших поисков.

И все равно каждый раз сердце сжимается от какого-то странного чувства, причем чем дальше по времени от точки невозврата, тем больнее. И с каждым разом ностальгия становится крепче и злее: если раньше она лишь робко трогала потаенные струнки изгойской души, наигрывая печальную мелодию, то сейчас рвет по живому, как пьяный и неопытный соло-гитарист, вступивший за полтакта до подачи счета.

Оседлав вихрь искрящихся снежинок, мы просквозили по подсвеченному разноцветными огнями городу до моста через Заманиху, переехали на другой берег и свернули к старой ДМШ № 1 (детской музыкальной школе), которая по состоянию на май прошлого года благополучно функционировала. Да, у нас теперь все меряется по этому самому маю: эпоха до – нормальная жизнь, и эпоха после – уже даже не жизнь, не

существование, а просто ожидание насильственной смерти.

– Мы едем на базар? – уточнил я.

В самом деле, за ДМШ виднелся подсвеченный прожекторами рынок, на который нам, по ряду причин, заезжать не стоило.

– Мы едем сюда. – Гена уверенно зарулил во двор школы. – Точнее, мы приехали.

Музыкальная школа привычно одаривала мир музыкой, но отнюдь не в привычном, классическом формате – кроме того, она и внешне преобразилась и даже поменяла манеры: свежая штукатурка, модная импортная облицовка, изобилие сине-красного неона, светящаяся вывеска – «Аленка» и полтора десятка дорогих иномарок на щедро раскатанной стоянке, простиравшейся до самого берега. Ах да, к вывеске прилагалось цветомузыкальное панно, ритмично мигавшее псевдопасторальной картинкой: легкомысленного вида девица в коротеньком передничке предлагала всем подряд розы из корзины и судорожно подмигивала правым глазом.

– Ну и как вам?

Не хотелось быть злоязычным, но так и подмывало ляпнуть: да вполне стервозный вид, такое ощущение, что эта ваша Аленка пошла по рукам.

– Не понял... – пожал плечами Федя. – И что это вы тут устроили?

– Теперь здесь кабак, – пояснил Гена и поспешно откровенился: – И я здесь совершенно ни при чем. Давай, смелее:

вас встречают.

Не знаю, как Гена это сделал – он никуда не звонил и никаких сигналов явным образом не подавал (типа, три зеленых свистка в зенит или продолжительный пароходный гудок), но как только мы вышли из машины, входные двери кабака распахнулись и на крылечке образовался комитет по встрече: Паша Седов и братья Латышевы.

– А-а-а, мерзавцы! – обрадовался Федя. – Я думал, вас давно поубивали всех...

Чудом избежав смерти от дружеских объятий (напомню, все Федины друзья не просто спортсмены, а какие-то нереальные кабаны – объятия, как водится, рассчитаны на Федю, так что на нашу с Геной комплекцию отрегулировать не успели – и, кроме шуток, по инерции чуть не задавили!), мы вступили под своды заведения и по просторному холлу проследовали в отдельный кабинет на втором этаже.

Мимоходом осмотрелись: все здесь было ново, солидно и ладно, сразу возникало ощущение, что это отнюдь не забегаловка, а вполне почтенный кабак для серьезных людей. Мне доводилось бывать тут в прежние времена, так вот, от школы мало что осталось: все разломали и оборудовали три симметричных зала: «Средневековье», «Восток» и «Русь».

Специально для тех, кто ничего не понимает в современных дизайнерских изысках, над входом в каждый зал висела соответствующая вывеска. Буквы на вывесках были одинаковые – дрянно-готические, а собственно стилистика бы-

ла представлена символами, вбитыми справа от названия: «Средневековье» – костер инквизиции (пламя и крест); «Восток» – два скрещенных ятагана; «Русь» – огромный топор, вонзенный в довольно скромную плаху. Топор был похож на мясницкий, и вообще сама символика показалась мне весьма сомнительной, но тот факт, что мировые культуры были представлены вполне пропорционально, вкупе с собственно названием кабака, не мог не радовать.

Получается, хозяин – кто-то из наших?

Это хорошо.

Вообще удивительно, что кому-то из славян удалось открыть кабак в нашем городе, где вся торговля и питание с недавних пор приведена в соответствие с общероссийскими нормами – то есть отданы на откуп улыбчивым «мамедам». Это здорово и некоторым образом символично. Более того, это внушает некоторую надежду на то, что еще не все потеряно. Аминь.

Кабинет тоже был просторным, солидным и качественным: светлый дуб, большой круглый стол, широченное окно, вид на аллею у реки, подсвеченную фонарями. Очень красиво и романтично, наверное, летом здесь приятно будет гулять пьяной публике с девицами в коротких передничках – наподобие Аленки на вывеске.

Стол был богатый, одними закусками, наверное, можно накормить целый взвод: много зелени, балыки, копчености, различные мудреные заедки, икра красная и черная, все све-

жее и очень вкусное. Венчал всю эту благодать запотевший хрустальный графин с водкой. Графин был под стать формату застолья: не привычная ресторанный колбочка, а двухлитровый пузатый крепыш.

– Горячее будет в три смены, – лопаюсь от скромности, сообщил Паша. – Шашлык из ягненка, барбекю из молочного поросенка на решетке и свежая форель в глине, на углях.

– Не знаю, доживем ли мы до горячего, – хмыкнул Гена, уверенно обхватывая шейку графина тренированной дланью. – Тут одними закусками можно до смерти обожраться...

Да уж, Паша выложился. Такое ощущение, что тут готовились встречать некую трижды чванную правительственную комиссию, а не каких-то паршивых изгоев, искомых всея властью России и ее неофициальными цепными псами.

Опрокинули по рюмочке – с морозца хорошо пошла, душевно так, закусили икоркой да балычком, принялись выспрашивать Пашу, что да как, из-под каких пластов бьет источник благодати.

Оказалось, что Пашу в это достославное заведение пригласили начальником охраны, и теперь он здесь вроде как не последнее лицо.

Услышав, кем теперь работает Паша, Федя как-то странно поморщился.

Паша эту гримасу истолковал по-своему и принялся торопливо объяснять: вы не думайте, охрана – это только нача-

ло! Хозяин, дескать, редкий душака и на диво хороший парниша, обещает Паше сказочные перспективы в совместной деятельности, причем отнюдь не в конце тысячелетия, а уже в этом году, в начале лета...

Паша – еще одна наша жертва. До недавнего времени он возглавлял местный ОМОН. За связь с нами его выгнали из органов, при этом самую малость не посадили: было возбуждено уголовное дело за преступную халатность и злоупотребление служебным положением. Кроме того, немалых трудов стоило отбрыкаться от обвинения в мятеже, хотя, на наш взгляд (и Гена с нами солидарен, а он в этом разбирается), никакого мятежа так и близко не было. Просто сверху дали команду: заройте всех, кто хотя бы даже рядом стоял, причем как можно быстрее и глубже.

– А что там за перспективы? – заинтересовался Федя.

– Сейчас расскажу. Гена, давай...

Гену, сами понимаете, дважды просить не нужно – тотчас же разлил по полной.

Так же душевно пропустили по второй, стали закусывать, и в ожидании первой перемены блюд Паша быстренько обрисовал перспективы. Федя слушал с увлечением и азартно кивал, а я жевал заедки, сторонне пожимал плечами и удивлялся: и чего это, Гусь ты наш двояковыпуклый (в смысле, по фамильной принадлежности и собственно – лапчатый), ты в этом вопросе проявляешь такое участие?

Это ведь у Паши – перспективы.

У Гены.

У «латышей».

А у тебя одна перспектива.

Пуля.

Причем пуля – это в лучшем случае.

Потому что в худшем будут пытки, страдания и долгая и мучительная смерть.

Впрочем, вам я про эти перспективы расскажу, потому что они, как вскоре выяснится, прямо связаны с дальнейшим развитием событий.

В одном из южных районов Москвы есть ДЮСШ (детско-юношеская спортивная школа) им. Григория Старикова – первооткрывателя множества современных отечественных дарований. Года три назад ее закрыли – такое, знаете ли, вполне привычное уже для нашей страны явление – и бодро переквалифицировали в статус аварийного здания.

Федя насчет этой школы в курсе, он, оказывается, неоднократно там бывал, на соревнованиях и просто так, к друзьям заезжал, поэтому стал интересоваться, что почем и каковы причины столь внезапной и стремительной деградации кирпича на юге столицы. Школе и двадцати лет нету, строилась образцово, по советским стандартам, должна бы, по логике, в отсутствие ядерных взрывов в радиусе километра пару веков простоять без особых проблем.

Паша, плутовато ухмыляясь и подмигивая, в двух словах пояснил: ну, ты же знаешь, в Спорткомитете всегда были ма-

ги-спецы, что запросто состарят любой новый домишко, хоть даже и вчера отстроенный, до состояния «под снос».

Так вот, эти три года ДЮСШ мертвым грузом висела на балансе Спорткомитета, ожидая решения своей участи. А пару недель назад Паша устроил все таким образом, что это здание по бросовой цене продали нынешнему хозяину «Аленки» (напомню, это кабачок, где мы сейчас заседаем). Разумеется, пришлось крепко отблагодарить старых знакомых и друзей из Спорткомитета, но факт: без помощи Паши владельца «Аленки» к этой ДЮСШ не подпустили бы даже на пушечный выстрел. Спорткомитет – это особая каста с большими связями, возможностями и ощутимыми госпривилегиями.

Федя стал спрашивать, кто там сейчас, в Спорткомитете. Паша принялся перечислять – многих Федя знал лично, о ком-то слышал, поэтому оживленно кивал и комментировал. Затем Паша стал рассказывать, что по весне эту ДЮСШ будут превращать в образцовый кабачок – раз в десять круче «Аленки». Местечко там уединенное, тихое, безлюдное: «солидные люди» будут спокойно отдыхать и решать разнообразные вопросы. И – что важно – теперь уже он, Паша, идет в этом предприятии совладельцем и основным организатором всего подряд. Сейчас там сидит его сторож, доверенные люди подбирают материал, дизайнеры разрабатывают проект... Так что все там «на мази»: весной придется засучивать рукава и вкалывать денно и нощно во благо совместного пред-

приятя.

Кстати, «латышам» в этом проекте тоже нашлось местечко – правда, пока что в качестве простых наемников, но, как говорится, лиха беда – начало, в дальнейшем все может измениться в лучшую сторону, так что перспективы вполне себе заманчивые...

Паша так увлеченно все расписывал, что в какой-то момент я ему даже позавидовал.

Надо же, как странно получилось: вроде бы он пострадал из-за нас, выкинули его из органов, а в итоге, выходит, устроился очень даже неплохо. Причем особо напрягаться ему не пришлось: просто здоровенный парень, боевой офицер, опытный, имеет связи в «спорцменских» кругах, авторитет в определенных слоях общества – вот и взяли...

– Да, перспективы – вполне. – Федя походя озвучил мою мысль. – И еще вопрос, кому сделали хуже, правильно?

– Точно, – подтвердил Паша, кивая Гене: – Давай по третьей. – А всего-то разница: раньше на государство пахал, теперь – на хозяина. Денег на порядок больше, проблем в разы меньше.

– Кстати, а кто хозяин? – уточнил Федя.

– Да нормальный хозяин, – уклончиво ответил Паша, вставая и подымая наполненную рюмку – третий тост, однако, у них это святое. – Человек, одним словом.

– А конкретнее? – Федя тоже встал, за ним – «латыши», Гена – с неохотой, ну и мне пришлось подняться. – Что за

человек?

В этот момент входная дверь распахнулась, и в кабинет ввалились двое шустрых чернявых юношей, волокущие большущий поднос с дымящимся шашлыком.

Федя с Пашей синхронно нахмурились в сторону двери. Паша – потому что вперлись посторонние во время «третьего», а Федя, полагаю, на предмет чернявоюношества.

– Так кто хозяин-то? – Федя опустил рюмку и, критически оглядев юношей, одарил Пашу тяжелым взглядом. – Имя у него есть?

– Есть, – Паша тяжело вздохнул. – Енурэ Зибатулин.

– Как?! – Федя вздрогнул и поставил рюмку на стол.

Тут в кабинет следом за юношами, можно даже сказать – на гребне шашлычного аромата, вплыл дородный мужчина в прекрасно отутюженной тройке и с золотой брегетной цепочкой на жилетке.

– Ну, собственно, вот и хозяин... – смущенно и одновременно досадливо пробормотал Паша – очевидно, не ждал, что хозяин пожалует. – Енурэ Хамидович...

Федя широко разинул рот, я – тоже, но на миг позже, все-таки в быстроте реакции мне с ним не равняться.

Енурэ Зибатулин – это один из тех примерных азербайджанцев, которых Федя нелицеприятно окучивал в мае прошлого года, в самом начале наших злоключений. Если кто помнит ту историю, это тот самый, предприимчивый, который угостил нас страшной железякой, сыгравшей роковую

роль в нашей судьбе. Или спасительную – это уж с какой стороны посмотреть.

Енурэ тоже разинул было рот и торжественно поднял руки, собираясь, по-видимому, произнести некий торжественный спич... Однако наша реакция была настолько красноречивой, что он мгновенно все понял: опустил руки, прижал правую ладонь к сердцу, левую выставил вперед и смущенно забормотал:

– Все хорошо, все нормална... Ребята, обиды нет... Я знаю, это все неправильно было... Кушайте на здоровье, отдыхайте – все бесплатно, от всей души... Здэс ви в бэзопасности, клянус, э!

После чего попятился назад и исчез в дверном проеме.

Чернявые юноши не замедлили ретироваться следом.

Федя вполне владеет искусством хранить невозмутимость в самых страшных ситуациях – и даже перед лицом неизбежной смерти. Но когда он находится среди своих, в непринужденной обстановке и в ближайшие полчаса стрельба по площадям не планируется, наш альфа-примат варварски непосредственен и не считает нужным держать себя в рамках. То есть все эмоции у него, что называется, на лице.

Так вот, на этом самом лице сейчас были такие эмоции, что все дружно втянули головы в плечи, притихли и даже шевелиться перестали: несмотря на отличную звукоизоляцию, была слышна доносившаяся с первого этажа народная песня. Кажется, «Во кузнице».

В этой гробовой тишине Федя вышел из-за стола, сорвал с вешалки свою куртку и решительно покинул кабинет.

Я, естественно, тотчас же последовал за ним, за мной увязался мрачный Гена, а за Геной – все остальные – получилась такая небольшая процессия с интервалом в три-четыре метра.

Когда мы проходили мимо «Русского» зала, мне показалось, что вывеска с мясницким топором угрожающе покачивается в такт разухабистой мелодии, и я вдруг совсем не к месту задумался: так вот же оно! Вот отсюда разврат-то и пошел! В самом деле, подумайте: чего предлагают кузнецы Дуне? Правильно: прогуляться во лесок. Сколько кузнецов? Точной цифры нет, но очевидцы утверждают: они куют, приговаривают и приколачивают. Значит, точно не один, а как минимум двое. А Дунь сколько? Одна! Что же это получается, а? Двое кузнецов зовут в лес одну девицу?! Ай-я-яй...

Почему я об этом подумал в такой неподходящий момент?

Не знаю. В последнее время вот такое расслоение сознания у меня случается регулярно. Я, конечно, не психиатр и могу ошибаться, но...

Мне кажется, что я медленно, но верно схожу с ума.

Во дворе получилась семейная сцена.

Встав под фонарем, Федя вынул мобильный и принялся мучить кнопки.

– И куда это мы названиваем? – подозрительно осведо-

мился Гена.

– Номер такси ищу, – скрипучим голосом сообщил Федя. – Я в этом вашем городишке давно не вызывал такси, так что номера подзабыл...

– Ты никогда в жизни не вызывал такси в этом городишке, – подсказал я. – Тебя тут, если не сам за рулем, всегда возили. Так что номера ты и не знал.

– Кроме того, ты, наверное, уже раз двадцать телефон менял, – добавил Гена. – Так что хватит дурака валять – я вас отвезу.

– Федь, ну ты это... – несмело включился Паша. – Ну чего ты, в самом деле? Ну нормальный же мужик, все понимает, в курсе, что почем...

– Нормальный мужик?! – Федя от возмущения аж подпрыгнул на месте. – Эти нормальные мужики за наши тупые головы целое состояние готовы выложить! Нормальный мужик!!!

– Действительно – нормальный мужик, – поддержал друга Гена. – Один из немногих «мамедов», с кем можно дело иметь...

– Какое, на хрен, дело! – взвился Федя. – Ты чем думал, когда нас сюда вез?! У тебя что, от абстиненции совсем башка перестала работать?! Ну так ты в следующий раз прими пол-литра, прежде чем такие предложения делать! Ты бы с таким же успехом мог объявление вывесить: «имею информацию о местонахождении таких-то, продам за недорого»!

– Ребята, ну в самом деле, – виновато заторопился Паша. – Вы что, думаете, я бы стал вас подставлять, если бы не был уверен...

– Да ты вообще заткнись!!! – яростно крикнул Федя, даже не пытаясь сдерживаться. – Ты зачем нас позвал в этот гадюшник? Долго думал, нет? Ты, вообще, на кого работаешь?!

– Да я...

– А вы чем думали?! – Тут и «латышам» досталось. – Ну ладно, у товарища временное помешательство, помрачение сознания – ну так неужели нельзя было подсказать: ты что, сволочь, делаешь, ты же предаешь нас всех!!!

– Да кто предает-то? – угрюмо буркнул старший Латышев. – Ну ты сам пойми – ситуация такая: просто некуда больше идти...

– В гробу я видал вашу ситуацию!!! – Федя яростно крутанулся на каблуках и семимильными шагами припустил к запахнутым настежь воротам. – Скоро, на хрен, всю страну продадите... Где тогда жить будете?!

– Что ж, вечер не удался. – Я наскоро распрощался и последовал за Федей. – Вы сами виноваты – малость промазали с выбором спонсора, так что не взыщите. Гена, ты нас догонишь?

Гена, ругнувшись, пошел заводить машину, а Паша с «латышами» стояли, вытянув шеи, и смотрели вслед стремительно удаляющемуся Феде, как будто надеялись, что он пе-

редумает и повернет назад.

Нет, ребята, чуда не будет. Этот тип в принципиальных вопросах прямолинеен, как трамвай, и никогда не сворачивает. Так что не стоит понапрасну морозить организмы: можете посыпать головы рождественским снежком и возвращаться в свой уютный кабинет с балыками и шашлыком от спонсора...

* * *

Следующие двадцать минут мы колесили по родному городу и со стороны любовались рождественским антуражем: гирлянды, елки-горки-городки, буйно веселящаяся публика – детки-девки-парубки и просто взрослые пьяные люди. Со стороны – это потому что честная публика от всей души веселилась, а мы дружно, но всяк на свой лад давили негативные эмоции.

Гена по ходу дела названивал разным людям и пыхтел от злобы: мы сорвали ему главное застолье недели, а может, и месяца. В самом деле, успели только две рюмочки махнуть да что-то на зубок положить, в то время как марафон планировался минимум часов на десять и, не исключая, на столько же литров.

Федя был угрюм и мрачен: злился на себя, на Гену, на Пашу и «латышей». На всех, кроме себя – за то, что отступники и тупицы, а на себя любимого – за то, что за последние

полгода превратился в такого мрачного и параноидального бирюка. Несмотря на лишние мышцы и титановый лоб, Федя у нас – товарищ мыслящий, так что он наверняка прекрасно понимает, что Паше просто некуда деваться. И, по большому счету, ничего такого предательски преступного Паша не сделал, а просто-напросто неплохо трудоустроился, позаботившись при этом не только о своей семье, но и о друзьях – «латышах».

А я задумчиво смотрел в окно, на этот разноцветный праздник жизни, меланхолично размышлял о превратностях судьбы и, вынув револьвер из кобуры, машинально крутил барабан.

Знаете, в последнее время появилась такая дурная привычка: в минуты задумчивости достаю револьвер и кручу барабан. Машинально.

И вот что особенно неприятно: я могу сделать это в самое неподходящее время и в неподобающем месте. Например, где-нибудь в людном супермаркете. Давеча сидели в обеденном зале «Перекрестка» – Ленка с юнгами в это время гуляли по магазинам, выпил кофе, задумался, достал и стал крутить. И Федя не сразу обратил внимание: смотрел как ни в чем не бывало с минуту, потом наморщил лоб, пытаюсь понять, что тут не так, прозрел и шикнул:

– Спрячь, дубина! Совсем, что ли, шиза накрыла?

Понятно, что это патология, и ничего, кроме неприятностей, такая привычка не сулит. Но что поделать, она непро-

извольню возникла, считай что на ровном месте, и, скорее всего, мне уже никогда от нее не избавиться. У меня просто не будет времени на отвыкание, чувствую я, что жить мне осталось недолго...

Итак, в отличие от нас с Федей, Гена не просто так, пассивно пыхтел от злобы, а по ходу движения пробивал варианты на предмет «приземлиться». Подходящий нам во всех отношениях вариант был найден примерно на двадцатой минуте автопрогулки, что еще раз доказывало: Гена – классный сыщик. Впрочем, не буду настаивать, понятно, что сейчас он адвокат, а вовсе не сыщик, но попробуйте заняться тем же самым в разгар новогодних каникул, и вы наверняка со мной согласитесь.

По обретении варианта мы ненадолго причалили к дежурному универмагу, где Гена оштрафовал нас за плохое поведение – каждого на тысячу рублей и, велев не покидать салон, убыл за припасами.

Вернулся он минут через десять, притащил кучу пакетов и фирменную коробочку с четырьмя семисотпятидесятиграммовыми бутылками водки. Оказывается, в универмаге промоакция: если берешь такую коробочку, считают четыре бутылки по цене трех. Вот эта незначительная на первый взгляд мелочь, как ни странно, подняла Гене настроение:

– Да! Это мы удачно зашли...

Видите, как мало нужно человеку для счастья? Место, где можно «приземлиться», сэкономленные двести пятьде-

сят рублей – и вечер уже не кажется таким мрачным и безнадежно испорченным.

После универсама мы заехали к родственникам благодетеля за ключами. Тут Гена пробыл еще минут десять и вернулся совсем уже повеселевший и с провиантом: в нагрузку к ключам ему дали кастрюльку оливье и пакет с пирожками.

– А там, сказали, еще соленья есть – можно брать, – похвастал Гена, обдавая нас уже вполне добротным выхлопом и усаживаясь за руль. – Держитесь, поедем быстро.

Ехали быстро, но недолго: усадьба располагалась на Второй Московской, кстати – неподалеку от дома пресловутого судьи, страдающего избирательной приматофобией (он смертельно ненавидит макак – проверено на себе). Это была резервная загородная резиденция известного мошенника, который постоянно проживал в Москве, а в настоящий момент отдыхал то ли на Багамах, то ли на Канарах – я что-то слабо помню этот момент. А ключи дала его мама, которая испытывала к Гене чувство непреходящей благодарности за то, что тот дважды спас ее шалопутного сынулю от тюрьмы.

Да, вот такие у нашего оперативного адвоката друзья, тут уж ничего не поделаешь.

Усадебка оказалась неброской, небольшой, без характерных для тутошнего контингента излишеств и, несмотря на «резервность», вполне уютной.

Впрочем, собственно, дом нам и не понадобился: мы вполне комфортно расположились в просторном сарае, в ко-

тором помимо разного хлама была огромная стационарная жаровня для барбекю и шашлыков (с вытяжкой через крышу), дрова, уголь, сколоченный из грубых сосновых плах стол и две лавки. В дом сходили только за посудой и соленьями – они были в подполе, да Гена прихватил два старых одеяла, на тот случай, если кто-то замерзнет.

Федя, опытный поджигатель, взялся раскочегаривать жаровню, а мы с Геной занялись сервировкой. Работали мы споро и слаженно, так что управились быстро, а чтобы время даром не терять, пока ждали первых углей, между делом произвели дегустацию добытой в промоакции огненной воды. Да не так чтобы сугубо по-холостяцки, а вполне основательно, под хозяйские огурчики, грибочки да селедку с лучком (у них в кладовке лук в сетках висит, так уже прорасти начал – ну, мудрый Гена его и настриг, и посыпал селедку, получилось вполне себе недурственно).

Дегустация прошла вроде бы успешно, но результаты особой внятностью не отличались, так что пришлось повторить – да не по разу. Да, надо заметить, поначалу в сарае было не совсем комфортно: дымно, несмотря на вытяжку, пришлось даже дверь открыть; у огня жарко, отойдешь на три шага – холодно... Но очень скоро огненная вода выровняла соотношение «тепло – холод», дым рассеялся, и к тому моменту, когда были готовы первые угли, мы уже просто не обращали внимания на такую мелочь, как температурный режим.

Все сырое, что Гена приобрел в магазине, мы вывалили на

решетку: маринованные части курицыных трупов, свинские ребрышки и даже два кольца какой-то сомнительной колбасы серого цвета, скрученной веревками. Гена сказал, что серая – потому что натуральная, если поджарить, она очень вкусная, так что мы спорить не стали. Единственно, я помнил себе: надо будет, как все нажрут, постараться не зацепить ее ненароком, пусть Гена сам лопают такую красоту. Поскольку на решетке места оставалось в избытке, мы еще разок посетили подпол в доме, притащили картошки и добавили в общую кучу. Картошка, ясное дело, была немойтой, но к тому моменту мы на такие мелочи обращали ровно столько же внимания, как и на температурный режим.

Аромат в сарае стоял – застрелись: все сочно дымило, шкварчало и стреляло во все стороны брызгами раскаленного жира. Федя, очевидно, в порядке реабилитации, гордо подбоченясь, заметил:

– Ну и на фига нам та форель на углях? Тем более в какой-то грязной глине...

Да, это факт: тут и без форели все было в порядке.

Несмотря на всю эту кухонную идиллию, в нашем слаженном коллективе присутствовало явно выраженное неравенство. Если оперировать Фединой терминологией, то по части застолья и всяких разных «полян» Гена был мастером спорта. А мы с Федей едва ли даже третьеразрядниками. Нет, в прошлой жизни я был вполне неплох в пивном и даже винном разрядах, но серьезно и тяжело наступать на стакан мне

приходилось довольно редко, а Феде и подавно. В последнее же время мы сократили потребление спиртного до минимума, или, образно выражаясь, были практически «в завязке». То есть, сами понимаете, тренинг как таковой отсутствовал. А тут еще получилось так, что Гена выбрал ненормативную посуду – граненые стаканы и разливал, скотина, по своим мастерским нормам.

В результате к тому моменту, когда на решетке жаровни образовался первый съедобный кусок, мы с Федей уже так устаканились, что в буквальном смысле еле ворочали языками. Так что я заранее прошу прощения за дальнейшее изложение: был пьян, суть беседы помню не совсем внятно (а местами не помню совсем).

А зря. Беседа получилась важная, можно сказать, судьбоносная. Был бы я вменяем – наверняка мог бы повлиять на ход событий, глядишь, все сложилось бы по-другому...

В отличие от нас, Гена чувствовал себя вполне бодро и трещал без умолку. При этом он умудрился ни слова не сказать про свою адвокатскую деятельность, зато во всех подробностях осветил самые животрепещущие аспекты и перипетии нелегкого существования местных оперов. Если бы его сейчас слушал человек, отставший от жизни месяцев этак на пять и ничего не знающий об изменениях в Гениной судьбе, он ни на секунду бы не усомнился, что перед ним все тот же старший опер, по горло груженный разнообразными сыщицкими проблемами и здорово озабоченный неурядица-

ми в своем отделе.

Несмотря на изрядную пьянственность, я отметил: вообще, вот это внезапное вышибание из органов – оно не такое безболезненное и благополучное, каковым кажется на первый взгляд. Из оперов – в адвокаты, вроде бы неплохо, верно? Может, в общем и верно, но не для Гены. Он привык к своей работе, прикипел к ней всем сердцем и продолжал жить проблемами и чаяниями парней «своего» отдела, с которыми много лет делил все радости и невзгоды, вместе ходил на операции, ездил в командировки на Кавказ, выживал под бандитскими пулями. Гена сросся с этими людьми в одно целое – в монолитную слаженную команду, которой он умело и талантливо руководил...

Это я к чему: что-то там у Гениных парней было неладно, и, несмотря на сиюминутную отстраненность и выкинутость, Гена переживал за них всей душой.

Приложив титанические усилия, я взял себя в руки и попробовал вникнуть в эти проблемы: исключительно для того, чтобы уловить суть и плавно перевести беседу в другое русло. Несмотря на невнятность, я ощущал, что речь идет о крайне неприятных вещах. Гена был мрачен и щедро источал негативные эмоции, которые уже успели отравить Федю. Благодаря крепкой стати наш богатырь, в отличие от меня, воспринимал все вполне адекватно, хмурился и морщил лоб и даже пытался сердито мычать что-то вопреки, не соглашаясь с каким-то Гениными доводами.

В общем, пора было вмешиваться и менять тему, а не то вся праздничная томность пропадет втуне – для Гены, кстати, такой поворот во вроде бы благополучном застолье вполне характерен, поскольку вся его прежняя работа – это одна большущая проблема, без единого проблеска.

– Да ну-у, это не наши, – в очередной раз возразил Федя. – Сто пу... Ик! Ой... Не, наши такое не могут...

– Ну как же не ваши?! – возмутился Гена. – Тебе фамилии назвать?

– Назови.

Гена назвал несколько фамилий.

– А-а-а, вот и неправ ты! – вяло обрадовался Федя. – Это эти... Как там – которые перешли...

– Ренегаты, – мужественно подсказал я сквозь стиснутые зубы.

– О, точно! Короче, это уже не мы, а «Легион»...

– Да какие, на фиг, ренегаты?! Это не вы, что ли, их воспитали? Не вы всему научили? Они сколько в «Легионе»? От силы полгода. А до этого всю жизнь где были? Где выросли и сформировались как личность?! Я тебе могу список принести: все эти бомбисты уевы – все ваши выкормыши, Легион здесь вообще где-то сбоку, так, последняя капля в переполненной чаше...

– Кстати, про «Легион», – встрепенулся я – вот он, прекрасный повод сменить тему: – Как там их тяжба?

– Хана «Легиону», – печально промычал Федя. – Умер.

– Не понял, ты чем слушал?! – обиженно взвился Гена. – Я тут о чем битый час распинаюсь?

– Без понятия, – признался я. – Я это... Уехал, короче. Причем конкретно так... Наверное, устал за последние дни...

– Я тоже, – поддержал Федя. – Не совсем конкретно, но немного есть.

– Я заметил! – едко хмыкнул Гена. – Всего-то по триста граммук скушали – и окосели.

– Наверно, с водкой что-то не то, – стал оправдываться Федя. – Паленая, может?

– Водка в порядке, – желчно проворчал Гена. – Пить надо чаще, спортивные вы мои. Никакой, блин, выносливости! Час сидим – а вы уже упали. Вы что, хотите мне окончательно испортить вечер?

– Нет, не хотим.

– Тогда вот что: давайте-ка оба – на воздух. Попугайте снеговика, привяжите коней, умойтесь как следует снежком, замерзните маленько. В общем, взбодритесь как следует – и назад. Вы мне нужны свежие и внимательные.

– Зачем? – подозрительно уточнил Федя.

– Затем, что у меня к вам дело образовалось.

– Не понял, – удивился Федя. – А что ж раньше?

– Да просто только сейчас допер. До этого как-то ничего такого на ум не приходило...

Ну да, для Гены это норма. Помните, я как-то рассказы-

вал про «оперативный инсайт»? Работает это примерно через раз. Раз – наелся и уснул, а другой раз – вкусил до умопомрачения – и внезапно осенило. Такая, знаете ли, специфика аперитивной... пardon – оперативной, конечно же, работы.

– Ладно, – согласился Федя. – Где тут у вас обычно снеговика пугают?

– От входа налево и строго на северо-запад.

– Понял, – кивнул Федя и вышел первым.

А я не понял – я не военный, но тоже вышел. Правда, гораздо медленнее и цепляясь за все подряд – меня сильно кренило на правый борт.

Гена врун: снеговиков тут отродясь не было, поэтому я до смерти запугал первый попавшийся сугроб. Успех в поисках коновязи был сокрушительным и бесповоротным, зато на розыски лопаты и метлы ушло значительно больше времени, чем предполагалось: хитрые хозяева зачем-то спрятали их на веранде. Кто-то, видимо, у них тут метлы тырит.

Развлекаясь таким образом, я слегка взбодрился, пришел в себя и основательно продрог, так что умываться уже побежал в дом. Пусть эскимосы снегом умываются, им по конституции положено.

Кстати, во время всей этой прикладной псевдогимнастики я ни разу не пересекся с Федей, в связи с чем можно было сделать вывод, что мой брат в полном объеме освоил пресловутый северо-запад и уж там-то со снеговиками все в полном ажуре.

Вернувшись к Гене, мы с ходу помянули «Легион» – на предмет согреться после снежных ванн – и скромно закусили хозяйскими огурчиками: возмущенный желудок пока что не готов был принимать всю ту благодать, что щедро оплывала жиром на решетке жаровни.

Убедившись, что мы готовы внимать, Гена продублировал новость: решением Хамскоотродьевского районного суда деятельность «Славянского Легиона» на территории Российской Федерации прекращена ввиду явной экстремистской направленности данной организации. Решение вынесено двадцать пятого декабря прошлого года, а узнал об этом Гена только сегодня. Потому что именно сегодня он пересекся с коллегой, который каким-то образом причастен к этим легионным прениям – Гена целенаправленно всеми этими процессами не интересовался, а только в части тех проблем, что как-то касались его подзащитного (Лехи то бишь).

Если кто-то также вполглаза следит за событиями и кое-что упустил, я уточню: в последние три месяца «Славянский Легион» тихо прозябал «на каникулах». Иначе говоря, на территории России (а есть ведь еще отделения в Украине и Белоруссии) деятельность его была приостановлена, имущество и фонды арестованы, а легионное руководство было вовлечено в судебные процессы, исход которых мог бы запросто предсказать любой рядовой гражданин, хоть сколько-нибудь разбирающийся в сути момента.

Что ж, вот вам еще одна жертва пресловутого штурма об-

щежития ГПТУ им. Розенбаума. Седой оказался прав и в этом случае, когда сказал: «...вред от нее, акции этой вашей, будет на порядок больше, чем пользы...» Так оно и вышло.

Впрочем, в случае со «Славянским Легионом» причастность к той акции – всего лишь удобный повод, предлог: прикрыть их пытались давно, многократно и повсеместно. Так что не будь этого повода, наверняка отыскался бы какой-нибудь другой. И если у нас есть все основания испытывать все чувства вины по отношению к Паше, Гене, Лехе (а к этому типу – особое чувство, как к наиболее пострадавшему), то в случае с «Легионом» совесть наша чиста, как слеза младенца.

Во-первых, их сразу предупредили, что последствия могут быть самыми плачевными, так что обставляться следует загодя, и вообще, никто не обидится, если они откажутся от участия в акции.

Во-вторых, сдал их Леха, а не мы. Леха, кстати говоря, сдал всех подряд, про кого знал хоть что-нибудь, но его за это никто не винит. Каждый прекрасно понимает, что в наше время у человека, угодившего в застенки спецслужб, нет абсолютно никаких шансов остаться Мальчишом-ИбАльЧишом (или как там правильно звали того сумасшедшего скаута, который даже под пытками не выдал своих поделников?).

В-третьих: ребята, это же ведь именно вы – признанные

шпиономаны и знатоки конспиративных игр. Все, кто с вами хоть как-то соприкасался, были в шоке от вашей секретности, таинственности и оголтелой военизированности. Единственное, что Леха выдал, – это то, то Легион участвовал в акции. Больше он не мог сказать ничего даже при всем желании, по той причине, что больше он ничего не знал. То есть, по сути, вся эта большая «сдача» – не более чем промахи и недоработки легионного руководства. Знали, что будут проблемы, следствие и неизбежные оргвыводы – ну так и кто мешал заблаговременно принять меры и выстроить линию защиты?

И последнее, без цифры. Не было бы Легиона вообще – мы бы и сами справились. Они пришли в наш город незваными, обосновались как хозяева и за короткий срок переманили немало наших людей. Причем, прошу заметить, далеко не самых худших людей. В общем, можете считать меня циником и бездушной скотиной, но я так скажу: да, я благодарен «Легиону» за помощь, которую они нам оказали. Но я ни капли не сожалею о том, что их прикрыли. По этому поводу у меня есть соответствующее сути момента резюме:

- Доигрались, конспираторы буювы...
- А ты, никак, злорадствуешь?
- Да при чем здесь злорадство? Гена, я не понял, ты что, переживаешь из-за этого? Тебе вообще какое дело до «Легиона»?
- Да нет, «Легион», как организация, меня совершенно не

волнует, – пояснил Гена. – А вот люди, которые в нем были, меня беспокоят очень даже сильно. Думаю, это и вас должно беспокоить. Потому что это ваши люди.

– Я ж тебе сказал – не наши! – дежурно возмутился Федя. – Это ренегаты.

– Ну, погоди, вот уж я возьму весь список и ткну тебя носом, – пообещал Гена. – Там помимо ваших бывших, которые, один хрен – ваши, есть и собственно «патриоты», это я тебе гарантирую.

– Нью-ню...

– В общем, вот эти ваши люди теперь предоставлены сами себе, – продолжал Гена. – Да, «тараканов» у «Легиона» хватало, тут не поспоришь. Но! Вот вам факт, с которым тоже не поспоришь: они держали в узде целую армию пацанов с активной жизненной позицией, давали им какой-то эрзац свободы и видимость конструктивной борьбы. Об эффективности никто не говорит, но видимость была... А теперь попробуйте, угадайте, чем займется вся эта распущенная по домам армия.

– Да кто чем, – я пожал плечами. – Кто дворников гонять пойдет, кто в подворотню с кастетом, а кто, глядишь, и за ум возьмется. Так что еще неизвестно, так ли все плохо, как тебе кажется.

– Не угадал, – грустно сказал Гена и опять разлил по-мастерски, едва ли не по полстакана. – Давай теперь помянем «Патриот». Вот это точно славный «парень» был, вот его во-

обще жаль, аж до слез...

Помянули. Брр... Надеюсь, кроме «Патриота» и «Легиона», больше никто не «умер», а то ведь опять придется снеговика пугать.

– А теперь внимайте, дети мои, – со значением сказал Гена. – Сейчас я кратко и доходчиво обрисую, куда в ближайшее время ломанется вся эта вырванная из организационного контекста юная поросль...

Обрисовал. Как и обещал, кратко и доходчиво: я же говорю, в промежутке между состояниями «весьма нетрезв» и «окончательно пьян», Гена у нас – самая светлая голова в округе.

Я тоже не буду грузить вас комментариями и своим видением ситуации, а просто доведу оперативную информацию в первоизданном виде.

Итак, вот эти брошенные дети, то ли наши, то ли «легионные» – сейчас уже и не разберешь толком, – они не стали размениваться на такие мелочи, как тривиальный «гоп-стоп» и догонялки с гастарбеками-таджибайтерами, а сразу утопали в бомбисты. Нет, к счастью, не всей толпой – это был бы вообще оперативный коллапс (это не мой вывод – Гена так сказал), но факт, самые активные – утопали.

Остальные пока что присматриваются, сомневаются и думают, как им поступить, куда бы метнуться...

Вот вам статистика по району: поджог здания СКП; поджог служебных машин на стоянке у здания ФСБ; подрыв слу-

жебной машины у отделения милиции; подрыв и поджог кафе «Акбар» (я так понял, что сначала взорвалось, а потом загорелось); три взрыва урн возле рынков; девять обезвреженных СВУ (самодельных взрывных устройств) у рынков же – считайте, было еще девять подрывов; и еще ряд мелочей не столь угрожающего характера, но вполне попадающих в тот же формат.

Итого, за последние полтора месяца ушедшего года – восемнадцать случаев детского терроризма только по одному району.

Власти в шоке. Явление имеет массовый и повсеместный характер. Вся эта нездоровая активность началась примерно через месяц после того, как «Легион» ушел «на каникулы» и всем стало ясно, что «жить» ему осталось недолго.

– Власти в шоке – это метафора? Откуда такой вывод?

– Нет, не метафора. Вывод оттуда, что появился неофициальный термин: «детский терроризм». Я же не просто так это озвучил. Это уже терминология. Еще вывод: дана команда все случаи этого самого «детского терроризма» квалифицировать как «бытовуху». В крайнем случае, если уж случилась неприятная совокупность: запас, привязка к субъекту, утекшая в СМИ – ну, знаете, как это бывает: скандал, огласка, – оформлять по статье незаконное хранение ВВ (взрывчатых веществ). Есть предположение, что в каждом крупном районе существует устойчивая группа от полутора десятков до полусотни лиц, которая пробует себя в роли таких домо-

рощенных бомбистов.

– Предположение?

– По другим районам – да, предположение. По нашему я точно знаю: такая группа есть. Более того, все они установлены и «разработаны». Так что, ребята, я вас уверяю: это не миф. Не сказка. Это вполне реальные люди и реальная ситуация.

– Ну вы даете! – присвистнул Федя. – Вы чего тут устроили вообще?!

– Ага, это мы устроили...

– Не понял, а каким местом ФСБ груши околачивает? – возмутился я. – Почему твои бывшие коллеги не сдадут этих юных бомбистов куда следует?

– Да потому что эти малолетние раздолбаи поголовно все свои. – Похоже, «бывшие коллеги» Гену неприятно резануло. – Дети известных и уважаемых родителей, выросли все на наших глазах, здесь их каждый знает с пеленок. Взяли тут троих в самом начале: что называется, по горячим следам – да они особо-то и не прятались. Так вот, один – сын замначальника ОВД, второй – племяш директора химкомбината, третий – двоюродный брат нашего опера Сани Веселова – вы его знаете. Семьи нормальные, сами видите – и чего, спрашивается, не живет спокойно?!

– Не понял, это что же, андреевский племяш тоже там?!

– Точно! Я же вам говорю: у нас тут все в полном опупее! Да ладно бы – просто набедокурили, но они же такие пока-

зания стали давать, что волосы встают дыбом вообще везде, про голову я уже и не говорю: мы, типа идейные террористы, борцы с Системой, готовы за правое дело идти на смерть и прочий бред в таком же духе. Ну и кому оно такое надо, скажите мне?! Прикиньте, если все по-серьезному делать, у нас только по одному району надо «закрывать» полсотни малолетних дебилов за этот самый идейный, или идиотский, как хотите, в общем, за «детский терроризм».

– Есть основания предполагать, что в других районах творится примерно то же самое?

– Да, есть такие основания. Поэтому, думаю, и дано неофициальное, но вполне суровое и строгое распоряжение: квалифицировать все как «бытовуху», проводить разъяснительную работу, на полную катушку привлекать родственников, подключать общественность для агитации и предотвращения и так далее. Поэтому я и говорю: власти в шоке. И знаете – есть от чего.

– Ну, властям мы не сочувствуем. – Федя томно ухмыльнулся. – А вот тебе и твоим пацанам – да, сочувствуем. Прими наши эти... Ну, короче – прими. Наверное, у твоих сейчас аврал?

– Я бы так сказал: у них не просто аврал, а казарменное положение, причем уже второй месяц кряду. Круглые сутки носятся как угорелые, отслеживают, заминают, разбираются «по-свойски», как и предписано, частенько вместе с родителями ищут схроны, да просто п...т их, в конце концов, чтоб

если не через мозги, так через ж... доходило – вон недавно секли одного проводом от мыши, в кабинете, причем сек папаша, а мои держали. В общем, полный бардак, идиотство и какая-то прямо-таки детсадовская возня. Если бы полгода назад мне заявил кто-нибудь, что будет такая фигня, – ни за что бы не поверил. Это же просто бред какой-то...

– Да, занятно. – Я с готовностью изобразил сочувствие. – Что-то у вас тут неладно... А теперь, значит, еще и «Легион» окончательно прикрыли...

– Ага. Вот это вообще – как серпом по всем местам. До этого оно как-то подспудно набухало, разгонялось, пробовало силы, смотрело на реакцию общества... А сейчас боюсь даже предположить, что будет твориться – причем уже в самое ближайшее время. Это какой же государственный ум допер в такое время распустить «Легион»? Это ведь просто враг какой-то, засланец, специально нанятый для дестабилизации обстановки в стране!

– Да, это все, конечно, печально и трагично. – Я с трудом подавил зевоту – определенно, огненная вода в норме – релакс вполне прослеживается. – Ну а мы-то тут при чем? Пойти, что ли, сказать: ребята, не балуйте, бросьте все эти пакости?

– Сказать – не вопрос, – рассудительно вставил Федя. – Вопрос, как далеко эти малолетние шалуны нас пошлют.

– Никто вас не пошлет, – убежденно заявил Гена. – Вы вообще недооцениваете свое влияние на этих детей. Я думаю,

они готовы повиноваться любым вашим прихотям. И вообще идти за вами куда угодно. Хоть в ад.

– Идти за нами?! – Вот это, согласитесь, прозвучало странно и нелепо. – Куда идти, Гена?! О чем ты? Нас в любой момент могут расшлепать, без всяких скидок и апелляций. Ну и куда тут идти?

– Ребята... Я в курсе, что вы приговорены. – Гена тяжело вздохнул и в очередной раз налил – и опять, сволочь, мастерскую норму. – Мне об этом можно не напоминать. И я понимаю, что вам глубоко до лампы, что станет с этим миром – пусть даже его взорвут в один присест, вам, наверное, не жалко... Но у вас есть возможность спасти кучу юных судеб. Юных жизней. Юных... ну, не знаю, чего там еще – юных, но спасти. Причем не абы кого, а тех пацанов, которых вы воспитали, научили всему, долгие годы вели за собой и показывали пример...

– Да хорош уже агитировать! – Федя не выдержал и, смущенно потупившись, поднял стакан. – Ты че, замполитом себя возомнил? Давай – за что там?

– За наших детей! – вполне надрывно и слезоточиво выдохнул Гена – дребезжащим голосом. – За детей, которых вы можете спасти. Если захотите...

Ы-гы-гы... Я еле сдержался, чтобы не расхохотаться Гене в лицо. Собственно, детей ни у кого из нас нет. Я сам, вообще-то, совсем недавно ощутил себя взрослым. Буквально в мае прошлого года. Однако, сами понимаете, грешно

смеяться вслух над такими вещами. Тем более сказанными таким тоном. Можно ведь ненароком нанести смертельную обиду близкому человеку, озабоченному по самое «не могу».

– Ну, давай – за детей...

Приняли.

Закусили. Теперь уже с решетки – и, кстати, подозреваю – той самой сомнительной колбасой. Короче, ужас. Хе-хе... Икх! Ой...

– Попробовать-то можно, – размеренно жуя, подал голос Федя. – Был бы только толк от этого.

– Это точно, – легкомысленно поддержал я, прислушиваясь к своим ощущениям. Похоже, я опять был пьян, причем даже сильнее, чем до пугания мифического снеговика. Теперь меня уже не клонило в сон, но все вокруг кружилось и расплывалось, и я уже с трудом различал лица сидящих рядом людей – у меня даже стаканы троились, стоящие буквально перед самым носом. Что-то я недопонимаю: и на фи-га, спрашивается, было заставлять нас заниматься снежными процедурами? Впрочем, Гене виднее, я же говорю, он мастер.

– Ну так ты же в курсе по всему, – продолжил Федя. – Может, подскажешь, с чего начать?

Вот. Вот он, тот самый момент, который я упустил. Здесь еще можно было взять инициативу в свои руки, сказать, допустим, что есть пара идей, но надо все как следует обдумать на трезвую голову...

Но я, простите, был пьян как свинья. И на этот судьбоносный момент просто не обратил внимания.

– Подскажу, – уверенно заявил Гена – и опять разлил: правильно угадали, мастерскую норму – у меня хоть и троились стаканы, но я по «булькам» определил. – И начнем прямо сейчас.

– Это как? – удивился Федя. – Мы же пьяные.

– Вот проблема! – хмыкнул Гена. – Давай – за то, чтоб все получилось, да поедем.

– Куда?

– В Кузякино.

– А зачем?

– Да по ходу все увидите, – успокоил Гена.

– А ты что, можешь ехать в таком состоянии? – усомнился я.

– А ты что, сомневаешься?!

Эмм... Да, это точно: Гена может.

– Ну, раз так... Давай: за то, чтобы все получилось.

* * *

Кузякино – это небольшая деревенька, притаившаяся неподалеку от Второй Московской, сразу за сосновым бором. В стародавние времена здесь был лесхоз, однако наш медленно растущий промышленный городок постепенно его уничтожил. Так что в настоящий момент это всего лишь од-

но название и одна улица на два десятка домов, в которых доживают свой век егеря-пенсионеры. Очевидно, в ближайшем будущем Кузякино исчезнет, как и сотни других русских деревень, уступив место Третьей Московской или Четвертой Кизлярской, это уж как повезет. Но сейчас у нас есть уникальная возможность взглянуть на этот образчик уходящей природы, и не праздного любопытства ради, а сугубо по делу: там живет дед нашего бывшего юнга и одноклассника Борман-Ромы – Женьки Скворцова.

Этот самый Женька Скворцов, или попросту Скворец, что для всех гораздо привычнее, – один из основных местных бомбистов. И – прав Гена – это наш пацан. Он вырос в «Патриоте», выправился – был ведь когда-то «трудным подростком», состоял на учете. А теперь, несмотря на юный возраст, «в авторитете», зарекомендовал себя как опытный и толковый следопыт-поисковик.

– А он что, сейчас там?

– Угу.

– А какого рожна он там делает, в то время как вся вмняемая молодежь всю «тусит» в городе? У его деда, наверное, даже телевизора нет.

– Без понятия. Но начиная с третьего числа он сюда катается каждый день. Как на работу.

– Так его что, «ведут», что ли?

– «Ведут»! – мрачно передразнил Гена. – Чтобы «вести», к «объекту» надо прицепить как минимум четверых сотруд-

ников. Две пары. А у нас на каждого опера – с десятков вот этих ваших юных негодяев. В смысле, трое-четверо активных и пятеро-шестеро сочувствующих, а то и прямых пособников.

– Да уж... И как только твои парни в такой дикой обстановке работают?

– Спроси чего полегче! – в сердцах пробурчал Гена. – Скажи другое: вот не вовремя я ушел! Очень не вовремя. Они сейчас без меня буквально зашиваются...

Я на это ничего не ответил, но мою пьяную голову посетила странная и, наверное, совсем ненужная мысль. Ненужная во всех аспектах, потому что она – о ненужном.

Гену выкинули, а он продолжает на досуге работать старшим опером. У них в отделе все было построено на нем, он был капитаном буксира, медленно, но уверенно толкающего неподъемную баржу правопорядка вверх по реке всеобщего бардака и оголтелого развиздьяства, или, если хотите проще, ведущим игроком, а остальные члены команды обеспечивали его работу. И теперь он не чувствует себя вправе бросить свою команду, которая волей случая сразу после его ухода угодила в затянувшийся девятибалльный шторм.

А Федя – особо опасный преступник в федеральном розыске. Но он по-прежнему ощущает себя президентом клуба «Патриот». И продолжает переживать за всех своих питомцев, и чувствует за них ответственность.

Согласитесь, это маразм чистойшей воды.

Но они оба такие, Гена и Федя, ответственные, я бы даже сказал – государственные люди, и ничего с этим не поделаешь...

В Кузякино не было ни одного уличного фонаря. Ни одного освещенного окна. И ни одной таблички на домах и заборах, так что незнающему человеку найти нужный адрес было непросто. Кромешная тьма, нехотя расступающаяся перед светом наших фар, мрачные старые дома, ветхие заборы, заброшенность и пустота – такое впечатление, что мы угодили в какой-то съемочный павильон с декорациями для фильма про оборотней или эпидемию чумы.

Помнится, в совхозе им. Первого Халифата тоже не было ни одной таблички. Однако там – зарождение новой формации, а здесь – умирание старой. Я было настроился пьяно пофилософствовать о диалектике переходных форм и роковой правопреемственности цивилизаций, но мы в один присест проскочили через всю улицу-деревню и встали на обочине заметенной снегом дороги у предпоследней усадьбы.

– Приехали, – сообщил Гена, глуша двигатель и выключая фары. – Вытряхивайтесь, господа идолы, пошли знакомиться с электоратом.

Со двора усадьбы вовсю несло свежим печным дымом. Наверное, кто-то топит баню. Сто лет не парился в нормальной бане с вениками и квасом. Вот было бы здорово... Впрочем, мы тут по делу, так что...

Распахнув покосившуюся калитку, мы вошли во двор.

Здесь, как и на дороге, царила крошечная тьма. Правда, из трубы на крыше небольшого строения в глубине двора весело вылетали искры, но светлее от этого не стало.

– У них что, в домах света нет? – удивился я.

– Ставни, – подсказал Гена. – На ночь закрывают.

Да, точно! Помнится, в том пресловутом совхозе...

– Стой! – скомандовал от крыльца безнадежно прокуренный голос. – Стрелять буду!

Стрелять? Я даже и не попробовал испугаться. Это что, такая местно-егерская шутка?

– Стою, – отозвался Гена, продолжая топтать к крыльцу.

– Стреляю! – осерчал голос. – Стой, я сказал!

– Дядь Мить, не дури, – урезонил невидимого злыдня Гена, но на всякий случай остановился. – Это я, Гена Ефремов. По делу.

– Харю кажи!

– На. – Гена достал мобильный и включил подсветку.

– Не вижу ни хрена!

– Подсветите, – попросил Гена. – А то ведь шарахнет дуэлетом – с него станется. Дядь Мить, у тебя дробь или картечь?

– Харю! – повторил злыдень.

Мы с Федей тоже достали телефоны и приняли участие в осветительных работах. Харя получилась вполне себе вампирская: синюшная с прозеленью и дьявольски горящими глазами. Если ночью внезапно на такую напорешься, будет

повод сгонять за валидолом. Или за исподним – это уже строго индивидуально.

Злыдня во тьме, однако, результат вполне удовлетворил:

– А-а-а, это ты! Узнал. – От крыльца отделился силуэт и неспешно двинулся к нам. – Слушай, я вот что думаю... Раз пришел, значит, выследил. То исть, врать уже резону нету. Верно?

– Верно, – подтвердил Гена.

– Ох-хо-хо, – сокрушенно вздохнул дед. – А может, это... Ну, я начну палить-стращать, а он удерет? Сколько сейчас дают за сопротивление властям?

Нормальный дед, да? Этакий скучающий егерь-затейник на пенсии.

– Дядь Мить, я уже не власть, – спокойно сообщил Гена. – И никто вашего красавца брать не собирается. У нас к нему разговор есть. Быстренько переболтаем да поедем.

– Как это не власть? – удивился дед, приближаясь к нам вплотную и обдавая плотным амбре ядреного самосада. – Тя че, поперли, что ли?

– Ну да, выходит так, – признался Гена.

– А за че?

– А поди, спроси у них... Видать, не нужен стал.

– Ну, дела... Если уж таких людей прут из органов... Наверно, конец этой власти приходит, так, что ли?

– Да-да, он самый – конец, коллапс и тридцать восемь по-пугаев, – скороговоркой пробурчал Гена. – Женька где?

– В бане. Стучи громче, он заперся.

– Понял. Дядь Мить, а чего впотьмах сидите? Ветер был, «воздушку» порвало?

– Нет, мил-человек, – дед горестно шмыгнул носом. – Нас от линии отрезали. Двадцатого декабря. И не лень им было – в субботу...

– Всю деревню?!

– Ага.

– Не платите, что ли?

– Дык нечем! Тут же пенсионеры одни. Бывает, хлеба купить не на что... В общем, обрезали. Да, кстати! А ты там не можешь...

– Дядь Мить, я же сказал: я уже не власть.

– Да, точно. Ну ладно, коли так. Если что, заходите потом. Чаем угощу. У меня малина есть...

– Спасибо, как-нибудь в другой раз.

Гена развернулся и решительно направился к тому самому строению в глубине двора, с крыши которого весело сыпали искры – мы последовали за ним. Я так понял, что наш сыщик в этом дворе уже бывал: наверное, по служебной надобности в бытность Скворца «трудным подростком». Или по той же надобности, но уже в отношении активного деда, который, если верить только что отзвучавшему разговору, скуки ради готов конфликтовать с властью. Надо будет на досуге как-нибудь поинтересоваться...

Стучать пришлось долго и нудно: очевидно, Скворец был

тяжко занят и прерываться не спешил.

– Может, выбить? – предложил я.

– Замучаешься выбивать, – буркнул Гена. – Даже Федей.

У них тут такие двери – бульдозером не вырвешь.

Да-да, помнится, в том пресловутом совхозе двери тоже были непрошибаемые. Определенно, друзья мои, тут прослеживается явное диалектическое соответствие! Оумм... Я уже хотел выдать глубокомысленную сентенцию по этому поводу, но тут дверь распахнулась, и в проеме возник Скворец, скромно подсвеченный висящей на стене предбанника керосинкой.

– Здорово, подонок.

Поскольку я был пьян, за точность впечатлений ручаться не могу: но мне показалось, что Скворец нам вовсе не обрадовался.

– Ыкхх!

Увидев нас, он задушенно всхлипнул, с неожиданным проворством нырнул Гене под локоть и попытался спастись бегством.

Это он зря так: сразу за Геной стоял Федя – от него особо не побегаешь.

– Не дергайся, debil. – Федя сгреб нашего бывшего юнгу в охапку и втащил в предбанник. – Мы убьем тебя не больно.

– Не заходите! – воскликнул Скворец. – Ща все взорвется!

– Держите, я посмотрю. Если побежит, стреляйте в голову.

Федя передал Скворца под нашу опеку и прошел в баню. Оттуда доносилось ленивое умиротворяющее бульканье и посвистывание, как будто какой-то не особо злой волшебник варил магический эликсир из тайных грибов. В помещении сильно пахло нафталином.

– Моль травишь?

– Ага, – с вызовом ответил Скворец. – Черную. Только не травлю, а рву.

Федя вернулся быстро и с занятыми руками. В одной у него была наволочка с какими-то штукovinaми, а второй он зажимал нос.

Аккуратно положив наволочку в угол, Федя произвел манипуляции с дверьми: ту, что в баню, плотно прикрыл, а из предбанника на улицу, напротив, распахнул настежь.

– Что там? – поинтересовался Гена.

– Тротил плавит. – Федя озабоченно почесал затылок. – Ну, блин...

– Вот же скот! – огорчился Гена.

– В смысле – «плавит»? – не сразу понял я.

– Выплавляет на водяной бане, – детализировал Федя. –

Из снаряда.

– А не шархнет? – обеспокоился Гена.

– Нет. – Федя покачал головой. – Там все по уму. Но вы гляньте на это...

Тут Федя грубо отодвинул Скворца в сторону и выложил на лавку содержимое наволочки.

Ну и ничего там особенного не было – если, конечно, судить в формате заявленного накануне статуса Скворца «один из основных бомбистов»: несколько продолговатых цилиндров, похожих на школьные пеналы для письменных принадлежностей, керамическая формочка и толстый рулон вощеной бумаги.

– И что ж это ты, скот, делаешь? – грозно спросил Федя.

– Сам только что сказал, – угрюмо ответил Скворец. – Тротил плавлю. Может, тебе еще сказать – зачем?

– А ты, я вижу, взрослым стал? – педагогически возмущился Федя. – Крутым, да? «Тыкаешь» мне. А раньше, помнится, лебезил, сволочь: «Федор Иванович», а?

– Какой «Федор Иванович»?! – с неожиданной истерикой воскликнул Скворец. – Ну какой, нах... «Федор Иванович»?! Все, нет его, сдох он! Остался предатель и сука!

– Ни хрена себе... – ошеломленно пробормотал Федя и обернулся ко мне за поддержкой: – Эт-то че такое, я не понял?!

Я пожал плечами: сам не понял, а Гена предположил:

– Надышался, дурачок.

– Вы же для нас как... как боги были!!! – В голосе Скворца звенела смертельная обида. – Мы же на вас, б..., чуть ли не молились... Да я просто глазам своим не верю!!! Неужели Борман с Ромой – тоже?!

– То, что Борман с Ромой тоже, – это факт, – пьяно хмыкнул я. – Потому что они с нами. Единственно, хотелось бы

уточнить, – что именно – «тоже»?

– А-а-а, вот оно что! – догадался самый умный из нас – Гена. – Понял.

– И что ты понял? – слегка взревновал я. Напомню: я тоже весьма неглуп. Просто сейчас я пьян, поэтому соображаю не столь быстро, как хотелось бы.

– А ты, свинтус ты шелудивый, попробуй хотя бы раз в неделю в люди выходить. – Гена мой вопрос проигнорировал. – Попробуй, помимо вашего вот этого подпольно-педерастического идиотства, поинтересоваться, чем там живет и дышит родной город. Ты когда в последний раз в школе был, чудило?

– Никогда!!! – тонким фальцетом крикнул Скворец.

– Заметно, – кивнул Гена. – А со своими «товарищами по оружию» вы какие-нибудь другие темы обсуждаете, помимо того, где, когда и кого взорвать? Вообще, о чем-нибудь нормальном говорите?

– Ни о чем!!!

– Заметно, – повторил Гена. – Дурак ты, Женька, вот что я тебе скажу. Если бы ты ходил в школу, тебе бы наверняка рассказали, что меня давно выперли из органов. И что, стало быть, я уже не опер. Если бы вы обсуждали какие-то иные темы или просто попробовали совместно проанализировать вашу короткую, но очень бурную деятельность, вы бы наверняка заметили, что никого из вас до сих пор не «приняли». Ферштейн? НИ ОДНОГО! Ну и какой из всего этого следует

вывод?

– Потому что у нас конспирация! – запальчиво крикнул Скворец. – У нас организация! Все четко!

– А что-то я не слышу в этом визге ни одной нотки раскаяния, – огорчился Гена. – Евгений! Возьми-ка паузу, отмотай назад и попробуй осмыслить то, что я тебе сейчас сказал.

Скворец примолк, скрестил руки на груди и уставился в пол. То ли таким образом решил выразить протест против тирании, то ли в самом деле прокручивал в уме диалог и пытался постичь суть сказанного.

Интересно...

Какое неожиданное сопоставление!

Мне никогда не приходило в голову, что нам, отъявленным врагам государства, нужно что-то кому-то доказывать. Мы – это аксиома, которая принимается на веру без каких-либо подтверждений – это незыблемый постулат.

И вдруг – нате вам: наш бывший юнга видит нас в компании с опером (по его мнению) и мгновенно делает вывод: мы работаем на Систему!

Обалдеть...

Все-таки какой простор для провокаторов, если речь идет о юных, неокрепших умах! Этак ведь самого отъявленного террориста в два счета можно выставить стукачом и предателем. Достаточно слегка подтасовать факты – и даже не придется ничего выдумывать и врать. Надо будет взять это на заметку: может, когда-нибудь пригодится...

Скворец думал недолго: спустя минуту с небольшим он вскинулся и заявил:

– Мне надо позвонить. Я имею право на звонок?

– Вот это спросишь тех, кто придет тебя принимать, – пробурчал Гена. – А мы к тебе просто переговорить зашли.

– Ну так я имею или нет? – уперся Скворец.

– Звони на здоровье, – кивнул Гена. – Хотя особой необходимости не вижу: если у вас все такие же тормоза, никто тебе не скажет ничего путного...

Насчет тормозов – не знаю, Гене виднее, но услугой «звонок другу» Скворец явно злоупотребил. Он побеспокоил троих абонентов, всем задал один и тот же вопрос: «Что можешь сказать за Гену Ефремова?» – больше ничего не спрашивал, а только «угукал» в ответ.

Отговорив, Скворец убрал телефон, зачерпнул воды из бачка и, залпом осушив кружку, растерянно пробормотал:

– Нич-че не понял... А чего тогда вам от меня надо?

– Не обижайся, Жека, но ты точно тормоз, – заметил Гена. – Смотри, сколько времени потеряли. Вот этот вопрос следовало задать сразу, как только мы вошли. Разве нет?

– Ну, не знаю... Не, а зачем я вам нужен?

– А ты обрати внимание, кого я к тебе привел, – со значением намекнул Гена. – Собери мозги в кучу. Припомни все, что ты знаешь об этих людях. Ну и попробуй сам, угадай, что им может быть от тебя нужно.

– Тротил? – не раздумывая, брякнул Скворец. – Федор

Иваныч, вам нужен тротил, да?

– Так, опять – Федор Иваныч. – Федя хмыкнул. – Что-то у тебя быстро все меняется. Пять минут назад – предатель и сука, а сейчас – Федор Иваныч?

– Простите, Федор Иваныч! – истово воскликнул Скворец. – Клянусь, не понял! Базар попутал, на ровном месте в «непонятное» въехал! Да я вам... Федор Иваныч... Да сколько хотите!!!

– Да не нужен им твой тротил, – прервал бурные причитания Гена.

– А что нужно? – Скворец весь обратился в слух.

Мы с Федей переглянулись, насколько это возможно в полумраке предбанника, и уставились на Гену.

Хороший вопрос.

Что нам надо от этих сумасшедших детей?

Вообще, согласитесь, неплохо было бы нас посвятить в этот гениальный план. Ну, на худой конец, перед заходом в усадьбу в общих чертах обрисовать, о чем будем говорить.

– Им нужны ВЫ, – выдержав эффектную паузу, заявил Гена. – Причем не только ваша местная ячейка, а вся организация. Целиком.

О нет! Гена, это очень плохая идея!

– Так это что же... – Скворец от такого неожиданного поворота охрип, осип и на какое-то мгновение утратил способность внятно изъясняться. – Вы... Гхм... Это... Нас – того... А? Под себя, да?! В смысле... Возглавить?!!!

– Гхм-кхм! – Это я послал Гене предупреждающий сигнал: одумайся, еще не поздно.

– Угадал, – похвалил Гена. – У вас есть уникальная возможность: из неорганизованной банды бомбистов превратиться в полноценный боевой отряд, возглавляемый лучшими идейными бойцами за свободу Родины...

Эка ты, братец, залупил! Простите, ради бога, другого слова просто подобрать не смог – у меня аж уши в трубочку свернулись. Ну, Гена...

– Ыкхх... – Скворец задушенно всхлипнул – почти так же, как в тот момент, когда встречал нас. – И вдруг, рухнув на пол, обхватил Федины колени и рвущимся голосом прохрипел: – Да! Клянусь!!! Мы... Эпхх... Да!!! Мы – все!!!

Господи...

Этого мальчишку нужно срочно свести к психиатру. Я знаю, у нас запрещено насильственное лечение, но...

И всех этих малолетних бомбистов надо к психиатру, они больны по определению. И Гену заодно с ними за то, что выдал такую восхитительную идею. И нас за то, что пошли с Геной, не спросив, куда и зачем. Ну и заодно, наверное, весь наш народ за то, что родил, воспитал и вырастил таких славных отпрысков.

Мы все больны. Болезнь характеризуется тупой рабской покорностью и долготерпением, усугубляется такими факторами, как толерастия и псевдоцивилизованность, а страшна она тем, что на пике кризиса может вылиться в эпидемию

массового бомбизма или чего-то еще хуже...

Федя не без труда оторвал от себя нового адепта, усадил его на лавку, сбрызнул водой из бачка и похлопал по щекам.

Кроме шуток: с нашим бывшим юнгой случился натуральный экстагический припадок. Он подвывал от переполнявших его чувств, восторженно хрипел и торжественно твердил:

– Да! Да!! Мы – все... Готовы... Да!!!

Дождавшись, когда Скворец пришел в себя, Гена быстро озадачил его на предмет дальнейшего взаимодействия, оставил свои координаты, и мы покинули несчастного, не желая мешать ему наслаждаться новыми ощущениями.

Ну вот, поздравьте нас. Теперь, помимо всего прочего, мы будем на досуге развлекаться с малолетними неуравновешенными террористами.

– Гена, мы ждем объяснений, – вполне трезво потребовал я, как только мы сели в машину. – Ты, конечно, мастер оперативных комбинаций, но...

– Каких, на хрен, комбинаций! – Федя выразился более конкретно. – Если все именно так, как ты сказал в бане, я оторву башку тебе, потом Скворцу, потом всем, кому он успел позвонить за эти две минуты – да, я сначала буду его пытаться, чтоб выяснить, ушла эта инфо или нет! Э, погоди, ты не заводи пока, ты сначала скажи – вот это и есть твой план?

– Спокойно, ребята. – Гена невозмутимо завел двигатель. – Все отнюдь не так плохо, как вам кажется. А насчет

плана: разумеется, там все совсем по-другому. Поехали, по дороге объясню...

Глава 3

Утро, шестое января.

Нет, я не любитель составления хронологических таблиц.

Я просто пытаюсь понять, какой сегодня день и час.

Утро? Да, похоже что так.

Ну, тогда: здравствуй, новый день?

Или, может быть, пошел ты в ж..., такой новый день?

О, господи...

Вчера, после Кузякино, вернулись на Вторую Московскую.

Вот это было ошибкой. Возникла же зрелая мысль:

– Ну что, такси – да домой?

– Да куда вы, время-то еще детское! – сказал коварный змей-наливатель. – Поехали, посидим еще немного, потом я вас сам отвезу.

Поехали.

Насчет обещанного «потом» – не знаю, это был полноценный провал. Помню только уже привычные «бульки» – по-мастерски, естественно, однако уже в отсутствие визуального контакта со стаканом: я ощущал его в ладони, но увы, не видел. Затем ритуальное «ну, за...», а собственно, за что – уже не помню. Провал.

Очнулся (именно очнулся) я уже дома. Уже утром. Сейчас то есть.

В барабане револьвера не было патронов, ствол кисло во-
нял порохом.

Стреляли? Замечательно. Ничего не помню...

Федя подтвердил: да, стреляли, но не по делу, а так – ба-
ловались. Вообще, мы такими вещами не балуемся, но... А
куда и по чему стреляли? Нет, куда и по чему, а тем более с
какими последствиями – вот это он уже не помнит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.